

Александр Евгеньевич Сухов
Танец на лезвии ножа
Серия «Танец на лезвии ножа», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157692
Танец на лезвии ножа: Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-21733-5

Аннотация

Коршун – величайший вор Нордланда: для него не существует запертых дверей и невскрываемых сейфов. Однако мало кто знает, что его криминальный талант подкреплён сверхъестественными способностями, которыми он обладает с самого детства. Впрочем, в мире, где технологии XXI века уживаются с магией, а люди – с эльфами и гномами, этим вряд ли кого удивишь.

Взявшись за очередную работу, Коршун попадает в сложную ситуацию. После того как по заказу некоего клиента он выкрал у богатого эльфа загадочную шкатулку, за ним начинается беспощадную охоту Клан Наемных Убийц – а существам, которых Клан записал в свои враги, лучше бы вообще никогда не рождаться на свет.

Но Коршун не собирается сдаваться.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	12
Глава третья	20
Глава четвертая	30
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Сухов

Танец на лезвии ножа

Глава первая

К десяти часам вечера стихия разбушевалась не на шутку. Потоки воды с оглушающим шумом падали на Вундертаун, смывая с крыш и стен зданий, со стволов и листьев деревьев пыль, покрывшую толстым слоем все в городе за три месяца нестерпимой жары и засухи. Это был не просто дождь – сплошная стена воды низвергалась с неба на землю. Время от времени далеко на западе небосвод освещали багровые вспышки. Гром разрядов в городе пока не был слышен. Все определенно указывало на то, что грозовой фронт еще не успел сюда прийти, но он уже недалеко, и совсем скоро на Вундертаун обрушится нечто более жуткое и ужасное, по сравнению с которым этот ливень покажется ласковым грибным дождиком.

Шумные бурлящие реки мчались по переулкам, улицам и проспектам столицы Норд-ланда, сметая все на своем пути. Пластиковые упаковки из-под фастфуда, бутылки, старое тряпье, обломки мебели и еще многое другое, с чем с легким сердцем расстались благоустроенные жители, что побрезговали подобрать бездомные бродяги и не заметили чистильщики улиц. Все это будет вынесено в Рею, и в конце концов часть мусора осядет на дно реки, что-то вместе с ее мутными водами попадет в море, где трудолюбивые микроорганизмы и животные покрупнее займутся утилизацией отходов жизнедеятельности многомиллионного мегаполиса.

Когда дождь только начинался, по тротуарам бежали люди, на трассах было полно автомобилей. Все старались как можно быстрее добраться до своих домов. Теперь на улицах не было ни души. Только безумец может покинуть светлую уютную квартиру и отправиться совершать вечерний моцион в такую непогоду. Даже на автомобиле перемещаться не было возможности – вода заливала ветровые стекла, никакие «дворники» не могли помочь водителям. Транспортные средства во множестве были припаркованы у обочины. Их хозяева, оставив бесполезные попытки одолеть стихию на колесах, поспешили воспользоваться услугами подземки или пережидали ненастье в гостях у живущих рядом друзей и близких.

На протяжении трех долгих месяцев все в городе проклинали изнуряющую летнюю жару, не отступавшую даже в ночные часы. Теперь жители дождались прихода бури, и никто уже не радуется благословенному дождю. Впрочем, это не совсем верно, таких как я, профессиональных воров, погода вполне устраивает. Сегодня и только под прикрытием проливного дождя у меня появился шанс выполнить один важный и хорошо оплачиваемый заказ некоего анонимного клиента, с которым я лично незнаком и знакомиться не собираюсь ввиду специфики моей деятельности.

Я вор и не стыжусь своей профессии. В конце концов, каждый сам выбирает себе занятие для души и пропитания. Я не шарю по карманам обывателей, не стригу кошельки на вокзалах у приезжих ротозеев. Моя специализация – проникновение без взлома в любое помещение. Для меня не существует непреодолимых преград, будь то квартира, частный дом, офис какой-нибудь фирмы или банк. Я не просто вхожу в чужое жилище, чтобы очистить его от мебели, посуды, дорогой электроники и мелочовки, опрометчиво спрятанной хозяевами под матрасом или в секретере. Нет, я работаю по найму, и рассчитывать на мои услуги могут лишь те, кто располагает для этого достаточными средствами. Прозвище Коршун хорошо известно в определенных кругах. Коллеги-воры захлеб обсуждают каждую мою очередную проделку, смакуя подробности, и завидуют неуловимой «птице». Копы при

упоминании моего имени в бессильной злобе скрипят зубами, до боли сжимая челюсти. Без ложной скромности скажу, что за мою голову объявлена достойная награда. Любой, кто сообщит в полицию достоверные сведения о местонахождении вора по кличке Коршун, получит кругленькую сумму, которой ему хватит до конца дней. Однако пусть не надеются. Возможность обеспечить чью-то безбедную старость ценой своего длительного бесплатного отдыха в лагерях Заполярья в мои планы пока не входит. Пусть освоением вечной мерзлоты занимаются другие – менее удачливые, менее сноровистые неудачники.

Уже битый час я валяюсь в парке на мокрой траве под огромным раскидистым деревом, которое в первые минуты после начала дождя защищало тело от всепроникающих струй воды. Теперь его ветви и листья лишь шутник может назвать зонтиком, они периодически из-за порывов ветра сбрасывают на меня дополнительные порции холодной влаги. Непромокаемые куртку и брюки хоть выжимай, а в высоких ботинках армейского образца скоро заквакают лягушки. Когда будет время, обязательно подам жалобу на изготовителей одежды в комитет по защите прав потребителей – пусть не вводят в заблуждение наивных покупателей по поводу феноменальных водоотталкивающих свойств своих изделий.

Нужно все-таки быть справедливым – никакого дискомфорта не ощущалось. Даже наоборот: мощный поток энергии, истекавший из земли в метре от головы, пополнял ее запасы в моем организме. Энергетический луч воспринимался мной на физическом уровне как светящийся зеленоватый столб, направленный вертикально вверх. Я касался его сознанием и потихоньку откусывал от него небольшие кусочки, равномерно распределяя их в межклеточном пространстве своего тела. Торопливость в этом процессе совершенно ни к чему, она даже опасна – если брать слишком большие порции сразу, можно подавиться, то есть получить шок и вырубиться на час-полтора.

Настроив зрение на дальновидение, я внимательно наблюдал за трехэтажным особняком, который располагался напротив, через дорогу. Окна здания были ярко освещены, а это означает, что его обитатели пока и не помышляют отправляться на покой. Ну что же, подожду, дело привычное. Настоящий вор должен уметь ждать, красться и уносить вовремя, а главное очень быстро ноги вместе с головой, поскольку ноги без головы – штука такая же бесполезная, как голова без ног. Люди, от рождения обладающие этими качествами, вполне могут вливаться в ряды представителей нашей славной профессии. Всем остальным воровским навыкам, вооружившись определенной долей терпения, можно обучить и медведя. Еще важен один момент – удача или фарт, без этого даже самый искусный профессионал погорит на сущем пустяке. Сегодня я точно знал: этот фактор на моей стороне. Никаких тревожных сигналов сознание и подсознание не улавливали. Это ничего, что здание прекрасно охраняется. Самые навороченные средства наблюдения, дорогостоящие запоры, ловушки и надежные сейфы не смогут воспрепятствовать Коршуну взять то, за чем он сюда пришел и из-за чего сейчас мокнет под проливным холодным дождем.

Непогода вовсе не мешала хозяевам и гостям этого шикарного особняка весело отмечать знаменательное событие – помолвку одного из внуков влиятельного и очень богатого эльфа Эзерга Утиола. Сквозь шум дождя, вой ветра и грохот мчащейся по дороге воды до моего обостренного слуха доносились звуки музыки, смех и пьяные возгласы. В занавешенных шторами окнах, как на экране театра теней, иногда мелькали силуэты пирующих. Вот двое мужчин с бокалами в руках, бурно жестикулируя свободными руками, обсуждают какие-то свои дела. В другом окне весело отплясывают под зажигательную музыку оркестра. В одной из комнат третьего этажа парочка влюбленных страстно целуется, ничуть не беспокоясь о том, что даже в такую непогоду за ними кто-то может подглядывать с улицы. Возможно, ветреная супруга, воспользовавшись моментом, убежала от своего опостылевшего мужа и предалась порочной страсти с любовником, а может быть, это и есть те самые моло-

дые виновники торжества, торопятся вкусить запретный плод плотских удовольствий еще до официальной церемонии бракосочетания.

Веселье растянулось за полночь. Грозовой фронт, отгрохотав и отсверкав молниями, успел покинуть пределы столицы. Ветер немного утих и теперь рвал ветви деревьев и полоскал водяные струи без прежнего усердия.

Я лежал на земле, стараясь не шевелиться, особенно в те мгновения, когда охранные системы особняка сканировали участок местности, примыкающий непосредственно к парку. С удовольствием вдыхал пропитанный влагой, запахами травы и грибов ночной воздух, от нечего делать с интересом рассматривал всякую всячину, которую тащила река, текущая по дороге, и удивлялся безалаберности и неряшливости граждан города, которые выкидывали разный хлам на улицу вместо того, чтобы отправить его в масс-конвертер и получить от этого ощутимую финансовую выгоду.

Мое внимание привлекла куча мусора из мелких досок и щепок, переплетенных между собой какими-то тряпками, веревками и обрывками пластиковых пакетов. На ней мирно соседствовали парочка крыс и здоровенный полосатый котяра. В другое время и при других обстоятельствах подобная идиллия вряд ли могла бы иметь место, но общая беда, как известно, иногда объединяет даже непримиримых противников. Плот с экзотическим экипажем находился посередине потока, довольно далеко от берега. Никто из животных даже и не помышлял его покинуть – прыгнуть в бурлящие, пузырящиеся воды означало верную гибель. Однако и кот и крысы просто так сдаваться не собирались. Они были собранны и сосредоточенны, вовсе не паниковали, а ждали лишь подходящего момента, чтобы перебраться на берег, где все снова окажется на своих местах: кот станет охотником, грызуны – его вожделенной добычей.

Проводив взглядом этот странный плот, я искренне пожелал удачи его экипажу: всем благополучно добраться до берега, а крысам после этого еще и спастись от острых кошачьих когтей.

Постепенно свет в окнах дома стал гаснуть. Сначала на верхних этажах – это укладывались в свои постели господа, потом и на нижнем – слугам также необходим отдых. Часам к двум все успокоилось. Оставалось лишь единственное освещенное оконце у двери парадного входа – там располагалась охрана и оборудование для визуального наблюдения за подступами к зданию и внутри его.

Выждав еще полчаса, я вскочил на ноги и немного поприседал для восстановления кровообращения. Затем, сняв с себя всю одежду, запихнул мокрый ком в дупло дерева, под которым так долго валялся этой ночью. Одежду можно было бы и не прятать. Кто ее найдет в этой темноте в пустынном парке? Однако, как профессионал, я привык делать все аккуратно и никогда не рисковать даже в мелочах, тем более что в кармане куртки находилась одна очень полезная вещь – маячок, который впоследствии мне еще очень пригодится.

Со стороны я, наверное, был похож на обитателя дома скорби, по недосмотру обслуживающего персонала покинувшего стены клиники. Кому как не сумасшедшему взбредет в голову прогуляться в голом виде под холодными струями ночного ливня? В этом-то вся хитрость: в отличие от многочисленных коллег по цеху, для выполнения работы мне не требовались никакие инструменты – все необходимое находится при мне, за исключением маячка в дупле.

Подойдя к границе парка, я закрыл глаза и, сосредоточившись, дал организму команду на ускорение. Наполненное под завязку энергией тело моментально отреагировало. Все привычные звуки пропали: шум дождя, завывание ветра, грохот мчащегося по асфальту потока – будто их никогда и не было. Картина мира кардинально изменилась: ветви и листья деревьев и кустарников больше не трепыхались на ветру, водяные струи зависли в воздухе, не достигая земли, река на дороге замерла, будто ее в мгновение ока сковала лютая стужа, да и сам

воздух загустел и создавал ощутимое сопротивление моему движению. Раздвигая руками ленты застывшей в воздухе влаги, я без суеты пересек проезжую часть автомагистрали и спокойно подошел к кованой металлической ограде, окружавшей здание со всех сторон. Прыжок, и ее острые трехметровые пики неспешно проплыли под моими ногами.

В состоянии гипера мое тело приобретает весьма необычные свойства. Я могу не только перемещаться в десятки раз быстрее любого спортсмена и высоко прыгать, но и свободно крушить голыми руками кирпичные или бетонные стены, ломать толстенные металлические балки без всякого ущерба для своего здоровья. Сейчас никакой самый тренированный глаз, никакая супераппаратура не смогли бы меня засечь, разве что по косвенным признакам – все-таки когда я двигаюсь, в пелене дождя остается видимый глазом пробой. Впрочем, этот след для стороннего наблюдателя довольно быстро стирается дождем. Не зная природы своих возможностей (они проявились еще в раннем детстве), я всегда старался пользоваться ими лишь в крайнем случае, поскольку для этого требовались очень большие затраты жизненных сил.

Очутившись у парадного подъезда, я сконцентрировался и стал прощупывать внутренним взором помещение за дверью. В холле на мое счастье никого не было. Все четыре охранника находились в караулке. Один из них спал, трое других были увлечены игрой в карты и на мониторы не смотрели. Ребята были чересчур самонадеянны. Попадет же им завтра по первое число!

С удовольствием отметил, что в самом доме было всего две видеокамеры. Одна располагалась в холле у парадного входа, другая осуществляла наблюдение за служебным. Иных средств электронного слежения внутри здания я не обнаружил. Зато всяческого рода магических ловушек для встречи непрошенных гостей здесь было в избытке: парализующие заклинания, зачарованные арбалеты старинной гномьей работы и многое другое, что наверняка должно остановить любого злоумышленника, покусившегося на жизнь хозяев или их добро.

Ну что же, другого я не ожидал – знал заранее, куда иду. Эльфы народ, как правило, консервативный – с трудом принимают все эти новомодные электронные штучки и больше доверяют проверенному временем арбалету, чем современному интеллектуальному оружию: боевому лазеру, создающему аккуратные отверстия в человеческом теле, или станнеру, поражающему жертву на расстоянии мощным электрическим разрядом. Для остроухих, жизнь которых по человеческим меркам бесконечна, всегда существовала лишь магия. Электричество, появившееся три столетия назад, до сих пор воспринимается ими как забавная игрушка, без которой их племя умудрялось обходиться не одну сотню веков. Что же говорить об электронике, которой лишь сто лет с небольшим? Баловство младших братьев – людей, и не более того.

Без малейшего усилия мое сознание вырастило длинную невидимую «руку», которая протянулась внутрь караульного помещения и нежно коснулась электронных схем компьютера. Миллисекунды хватило для того, чтобы изменить в нужную сторону потоки и характер сигналов внутри системного блока. Теперь на одном из мониторов, что бы ни случилось, некоторое время можно будет наблюдать лишь пустой безлюдный холл. После этой операции я положил ладонь на дверной замок: небольшое усилие воли, легкий щелчок – и путь свободен.

Оказавшись внутри помещения, я вышел из режима ускорения – вовсе ни к чему, чтобы во время путешествия по коридорам и залам под действием потока воздуха, вызванного сверхбыстрым движением моего тела, со стен слетали картины, разлетались вдребезги оконные стекла и драгоценная посуда, а также падала мебель. Вот весело будет, когда хозяева и гости сбегутся на шум.

Переведя немного дух, я осмотрелся. Здесь царил мягкий полумрак, который, однако, не мешал чувствительной аппаратуре передавать четкое изображение охраняемого помеще-

ния на экран. Если бы я не предпринял меры по ее отключению, в данный момент охранники могли любоваться моей обнаженной стройной фигурой.

Общий план здания и путь в кабинет хозяина были надежно зафиксированы в голове, и я без колебаний двинулся в нужную сторону.

Отключая на ходу смертельные ловушки, я осторожно пробирался мимо изображений бесчисленных остроухих предков хозяина, эпизодов древних кровавых битв и сцен охоты. Все картины в дорогих рамах, выполнены лучшими художниками своего времени. В живописи я разбирался неплохо и при случае мог бы поспорить о преимуществах или недостатках того или иного направления с самым искушенным ценителем. Причудливая игра теней в полумраке спящего дома, казалось, оживляла портреты. Иногда с полотна кто-то зло ухмылялся непрошеному гостю. Другой весело подмигивал, как бы желая удачи в рискованном предприятии, но по большей части эльфы были безразличны к ночному визитеру и вглядывались куда-то в неопределенные дали, погруженные в свои сокровенные, ведомые только им мысли.

Обостренный слух улавливал массу звуков: храп усталого пожилого слуги, тихое сопение гувернантки, прикорнувшей над кроваткой малыша, ритмичное поскрипывание матраса и сладкие вздохи какой-то парочки, решившей в любовных утехах провести время до утра, и еще много всякой всячины слышали мои уши, но ничего опасного и настораживающего в столь поздний час тишину и покой не нарушало.

По широкой дубовой лестнице, стараясь передвигаться так, чтобы ничего не скрипнуло под ногами, поднялся на второй этаж и очутился как раз напротив хозяйского кабинета. Дверь его была заперта хитроумным замком все той же старинной работы горных карликов. Если бы гном, изготовивший его, знал, с какой легкостью кому-то удастся открыть это, по общепринятым меркам, механическое чудо без ключа, одним ногтем, провалился бы со стыда сквозь землю.

Во всем здесь ощущалась любовь хозяина к порядку: ни одна половица не скрипнула под тяжестью моего тела, чистота комнат была стерильной, дверь отворилась бесшумно – петли были тщательно смазаны заботливой прислугой.

«Богат остроухий, очень богат и не жаден – чтобы содержать такой домище, нужны огромные средства. – Мысленно я поаплодировал главе дома. – Слуги у него вышколенные – всякую мелочь подмечают и устраняют вовремя. Значит, на их жалованье он не экономит. Такого даже грабить неловко».

Затворив за собой дверь и заперев ее на всякий случай изнутри, я приступил к обследованию кабинета. Не зажигая светильников, проследовал к сейфу, занимавшему чуть ли не половину стены напротив окна. Добротная, современная работа – «Крафт и сыновья»: высококачественная легированная сталь двадцати сантиметров толщиной, сложный электронно-механический замок, хитроумная система сигнализации, парочка весьма опасных сюрпризов внутри специально для нахалов, посмеявшихся устроить состязание в хитрости и ловкости с изготовителями этого мудреного ящика. Такой монстр никогда еще не удавалось открыть ни одному медвежатнику. Ну что же, после моего ухода будет над чем поломать головы сыновьям известного изготовителя сейфов. К сожалению, сам великий Крафт уже лет как десять кремирован, и прах его развеян по ветру в полном соответствии с обычаями Гаттерланда.

Слабого света уличных фонарей вполне хватало, чтобы хорошенько все рассмотреть. Пара минут ушла на отключение сигнализации, только после этого я смог заняться собственно вскрытием. Действительно, шкафчик практически неприступен – настоящая твердыня, и, если бы не мои исключительные способности, пришлось бы покинуть помещение несолоно хлебавши. Закрыв глаза, я сосредоточился. Сознание, как железный гвоздь к магниту, устремилось к сложному запорному устройству. Через мгновение буднично и при-

вычно пришло полное знание о нем и все, что необходимо сделать для осуществления задуманного. Ладонь правой руки легла на дверцу в то место, где находился хитроумный замок, тут же сейф и я «срослись» и стали единым целым. Левая рука начала крутить диск с цифрами в разные стороны. Пальцы другой руки, как бы удлинившись, проникли сквозь броню и добрались до многочисленных шестеренок, колесиков и зубцов внутри замка. На самом деле пальцы никуда не проникали, все манипуляции с механизмом я производил исключительно усилием воли.

Несколько мгновений предельного напряжения, и в дверце негромко щелкнуло. Еще двадцать секунд ничего нельзя трогать – необходимо дождаться, чтобы отключились все опасные сюрпризы внутри... Так, а вот теперь можно – все, что могло повредить моему драгоценному здоровью, уже не представляет никакой опасности.

С восхищением я проследил взглядом за бесшумно скользящей на массивных петлях многопудовой преградой, которая еще ни разу не открывалась рукой взломщика. Не теряя даром времени, я стал осматривать содержимое сейфа. Стопки документов, солидная пачка крупных банкнот, увесистый мешочек полновесных золотых «орлов», кошелек поменьше, заполненный наполовину ограненными бриллиантами, – но того, за чем я сюда пришел, а именно небольшой шкатулки, запечатанной магической печатью, здесь не было. Заказчик уверял, что вещица находится в кабинете, причем именно в хозяйском сейфе. Наверное, он ошибся – владелец мог уже десяток раз перепрятать шкатулку в какое-нибудь другое место.

Добыча с лихвой окупала все неудобства этой ночи. Продолжать поиски в огромном доме было не только бессмысленно, но и очень опасно. Пора отсюда сматываться. Однако пакостное чувство, вызванное бессилием перед обстоятельствами, помешавшими мне выполнить заказ, не позволяло спокойно направиться к выходу.

Я запер сейф. Делать здесь было уже нечего, но уходить я не торопился. Вместо этого начал внимательно осматривать стены кабинета. Заглянул даже под ковер, увешанный холодным оружием. Ничего особенного – стены как стены. Потаянных пустот и замурованных сейфов обнаружить не удалось. В столе и на книжных полках никаких запечатанных шкатулок не наблюдалось. Я собрался было произвести отправку посылки к маячку и удалиться восвояси, но тут мой взгляд упал на угольно-черную пасть камина. Для очистки совести решил проверить и его заодно, хотя по опыту предшественников знал – никто никогда ничего ценного в камин не прячет, тем более если в твоём распоряжении имеется надежнейший «Крафт».

Нагнувшись, чтобы осмотреть повнимательнее его утробу, я заметил тонкую, светящуюся слабым зеленым светом полосу в районе дымосборника.

Для подробного изучения непонятого феномена я присел голым задом на прохладный пол и сосредоточился на объекте. Природу явления сразу понять было невозможно. От полосы веяло могильным холодом и адским жаром одновременно. Какая-то странная магия! Или не магия? Призрачный свет манил и одновременно отпугивал. Одна половина сознания кричала: «Уноси быстрее ноги отсюда, пока жив!» Другая не менее настойчиво убеждала: «Уйдешь – будешь локти кусать, подойди и посмотри, что это такое!»

После недолгой борьбы иррациональная часть сознания все-таки победила рациональную. С трудом преодолевая первобытный страх, я полез в топку, протянул руку к полоске и с ужасом почувствовал, как сознание покидает тело и с все увеличивающейся скоростью устремляется навстречу зеленоватому свечению.

«Влип, Коршун, так дешево и бездарно! Развели тебя как лоха!» – Последняя мысль мелькнула в голове и умерла вместе с угасшим разумом...

Нет, я не умер. Чувства начали возвращаться постепенно. Сначала слух – до ушей донеслось злобное рычание какого-то большого и грозного животного. Потом обоняние – ужасная, невыносимая вонь ударила в ноздри. И наконец, осязание и зрение – я открыл глаза

и увидел перед собой ощеренную собачью морду. Огромный мастиф в метре от меня рвался, норовя порвать тонкую стальную цепь и наброситься на беззащитное обнаженное тело, распростертое на земле.

Молниеносно вскочив на ноги, я начал крутить головой, чтобы осмотреться. Вокруг все поменялось странным образом: вместо кабинета пятачок пространства диаметром метров шесть, ограниченный плотной стеной клубящегося серого тумана, и здоровенная псина напротив – порождение больной фантазии хозяина ада. Бежать некуда, оставаться наедине с тварью смертельно опасно. Что же делать? Теперь мне стало понятно, какую злую шутку сыграло со мной заклинание в камине. Оно выкинуло мое сознание в астрал и поставило перед выбором: победить или умереть.

Вот почему хозяин не доверил шкатулку надежному сейфу. Что может лучше этого заклинания уберечь добро от посягательств самого искусного вора в мире? Искоса, чтобы не спровоцировать агрессивной реакции вызывающим взглядом, я посмотрел на собаку. Несмотря на эти меры предосторожности, могучий зверь, огромная голова которого находилась на одном уровне с моей, почувствовал повышенное внимание к собственной персоне, а главное, страх обнаженного, беззащитного человека и начал рваться с цепи, удвоив усилия. Его маленькие, злые, отсвечивающие красным глазки с ненавистью смотрели на незваного гостя. Я представил, как могучие клыки с остервенением впиваются в горло, и ужас, зародившись где-то в области груди, ледяной волной покатился по всему телу, делая меня абсолютно неспособным оказать какое-либо сопротивление этой страшной твари.

Утром хозяин кабинета, войдя в помещение, обнаружит в луже собственной мочи живой труп – слюнтявого беспомощного идиота, неспособного самостоятельно выполнять простейших действий. Вот посмеется! Соберет гостей, чтобы порадовались вместе с ним. Потом сдаст полицейским, которые, в свою очередь, передадут безмозглое тело врачам для кошмарных опытов или на запчасти.

«Нет, не хочу! – Буря гнева захлестнула разум. – Ищи, Коршун, выход! Нет безвыходных ситуаций! Тебя не уничтожили сразу – значит, не смогли, значит, есть шанс. Думай, ты справишься!»

Я вновь посмотрел на монстра, теперь уже прямо в его полыхающие потусторонним пламенем глаза. Пусть попробует наброситься – сам его загрызу! Собака словно ощутила мою готовность к борьбе, немного присмирела. Тогда я громко, на грани крика начал говорить, стараясь, чтобы голос не дрожал и не подвел в самый ответственный момент:

– Я царь природы – человек! Ты лишь кошмарный фантом – чудовищное порождение извращенной фантазии садиста, создавшего заклинание! Повелеваю тебе исчезнуть! Изыди с глаз моих, монстр кровожадный! Никогда человек не преклонит колени перед таким, как ты! Твоя участь подчиняться и беспрекословно выполнять мою волю! Прочь с дороги!

По мере того как слова слетали с моих губ, я обретал уверенность, а животное стало уменьшаться в размерах.

– Что, не нравится, шавка? Дрожи и трепещи перед господином! Недолог твой век! Сейчас я отправлю тебя прямиком в ад!

Зверь больше не мог выдерживать взгляда человека и, опустив голову, будто побежденный волк, подставил шею победителю для последнего, смертельного удара. Он резко уменьшился до размеров болонки и, жалобно поскуливая, старался убраться с глаз долой. Подойдя к нему вплотную, пинком я отправил пушистое тело вместе с цепью в туманную мглу, в небытие.

Сознание вернулось мгновенно. Только что я был в астрале, а теперь снова в камине, и моя рука продолжает тянуться туда, где раньше была зеленая полоска; на ее месте теперь находилась небольшая ниша. Все, что со мной произошло, длилось всего лишь одно мгновение. Чудеса! Холодный пот запоздало выступил на лице.

«Чего же теперь бояться? Все позади», – успокоил я сам себя.

Рука на сей раз беспрепятственно проникла в углубление и нащупала там искомое. Извлеченная на свет шкатулка была небольшого размера, она целиком помещалась на ладони, однако обладала приличным весом. Разглядывать находку не было времени. Пора уходить.

Шкатулку, два кошелька и пачку банкнот я положил на стол, поднес к этой куче добра руки и сосредоточился. Небольшая вспышка, и посылка отправилась по назначению. Украденное будет ждать меня вместе с одеждой в дупле дерева. Для этой цели мне и пригодился маячок. Жаль, самому нельзя так же телепортироваться. Теперь прочь отсюда.

Я направился было к выходу, но, не дойдя до двери кабинета, стукнул себя по лбу. Чуть не забыл! Вернулся к столу, вытащил из богатого набора письменных принадлежностей черный фломастер посolidнее и несколькими небрежными штрихами набросал на чистом листе бумаги стилизованное изображение парящей хищной птицы. Оставить визитную карточку – святое дело. Реклама, понимаете ли, двигатель нашего бизнеса. По телевизору (догадайтесь с трех раз почему?) наши рекламные ролики официально не показывают, в газетах не печатают объявления с предложениями воровских услуг – приходится изворачиваться и полагаться на криминальную хронику. Для этой цели у меня есть парочка прикормленных копов, которые обязательно обеспечат утечку в лапы журналистов подробностей о некоторых моментах сегодняшнего ограбления. После этой ночи акции моего небольшого предприятия «Коршун Ltd» пойдут вверх небывалыми темпами, а это сулит новые заказы и соответствующие доходы.

Наконец-то с делами покончено, можно спокойно сваливать. Мысленно пожелав спокойных снов обитателям гостеприимного дома и не побеспокоив никого, я выбрался на свежий воздух и через минуту стоял у заветного дупла.

Мокрая одежда сначала упорно отказывалась налезать на тело, а когда мне все-таки удалось натянуть ее на себя, прилипла к коже холодно и неприятно. Пришлось углубиться в парк и немного попрыгать и поприседать, чтобы избавиться от противного озноба.

Пока я занимался делами в доме, ненастье пошло на убыль. Дождь еще не прекратился до конца и продолжал слабо моросить, но, по всем признакам, утро обещало быть полетному солнечным. Бурный поток, выполнив свою миссию по очистке города от грязи и мусора, иссяк, что было весьма кстати, поскольку топтать через весь город – занятие утомительное, даже непосильное для усталого человека. Распихав добычу по карманам куртки, легкой согревающей трусцой я побежал к автостоянке, стараясь всем своим видом как можно правдоподобнее изображать поборника здорового образа жизни.

Мой верный «Кентавр» ждал хозяина в квартале от парка. Рядом с «Буйволами», «Пантерами» и прочим могучим зверьем маленький четырехместный кар смотрелся не вполне презентабельно, но я его любил и ценил за скорость, маневренность и надежность. Включив двигатель, врубил систему обогрева салона на полную катушку, радиоприемник настроил на любимую волну. Через пять минут согрелся, стало даже немного жарковато. Из-за излишних переживаний и от усталости меня начало клонить в сон, пришлось опустить боковое стекло, чтобы впустить в кабину немного прохладного ночного воздуха. Включил ближний свет и, ловко вырвав между оставленными на ночь автомобилями, выкатил на трассу под легкий симфонический аккомпанемент. Рванул с места сразу на третьей передаче, аж ведущие колеса задымились, и помчался отсыпаться в свою берлогу.

Было начало пятого. На востоке небосвод уже наливался алым. Близились утро. Летние ночи коротки, но сколько приятных, а главное, полезных дел может успеть переделать умный, расторопный человек за те недолгие часы, пока тьма безраздельно властвует на улицах города.

Глава вторая

С постели я вскочил под мощные заключительные аккорды военного марша из оперы «Пламя дракона». Прослушивать какофонию финальной битвы из этой оперы никакого желания не было, и я быстро надавил пятерней на клавишу будильника, на циферблате которого стрелки показывали одиннадцать утра. Этот прибор был мной настроен так, что вначале проигрывалась благозвучная увертюра, потом ария Этель, далее следовал марш и последнее, что должно со стопроцентной гарантией привести меня в чувство, была битва эльфов и орков из любимой мною оперы. Обычно я просыпался под нежное сопрано эльфийки, провожающей на бой своего суженого. Сегодня меня разбудил марш. Устал ночью, здорово устал. Немудрено: холодный душ в течение нескольких часов, режим ускорения и незапланированная борьба с псиной – все это изрядно утомило мой молодой растущий организм.

В полумрак спальни через неплотно задвинутые шторы проникал солнечный луч. Пылинки, взлетевшие в воздух, материализовали его и делали похожим на толстое светящееся бревно, одним концом упиравшееся в пол, другим уходящее в бесконечную синь умытого дождем неба. Мои предчувствия насчет предстоящей хорошей погоды оправдались полностью.

Прошлепав по полу босыми ногами, я на несколько минут уединился в туалете. Затем, не одеваясь, сварил на кухне крепчайшего кофейку и с кружкой дымящегося темного напитка уселся на диван гостиной.

Отхлебнув хороший глоток, щелкнул пультом телевизора. Морально я был готов к любой реакции общественности на мою ночную проделку. Журналисты сейчас должны смаковать подробности очередного подвига Коршуна, а заодно ругать полицию за некомпетентность и коррупцию в рядах защитников правопорядка, за ее неспособность обеспечить покой и безопасность граждан. Полицейские чины – жаловаться на низкий уровень материально-технического обеспечения и жадность главы городского магистрата, урезающего каждый год и без того скудные субсидии на нужды полиции Вундертауна. Чиновники из городской управы – сетовать на снижение поступлений в казну столицы от налогоплательщиков и растущую инфляцию. Каждый раз это действие происходило по одному и тому же сценарию. Шутки ради однажды я даже послал письмо на телевидение, чтобы они для экономии народных денег после каждого моего подвига просто-напросто пускали в эфир старую запись с небольшими корректировками, а высвобождаемые средства отдавали полиции для успешной борьбы со мной, неуловимым. Ответа не получил, поскольку забыл написать на конверте обратный адрес, и до сих пор пребываю в полном неведении, в каких эпитетах телевизионщики отвергли мое весьма разумное предложение.

Сегодня все было по-другому. Полное молчание. В новостях ни слова не прозвучало о ночном происшествии в доме одного из самых уважаемых граждан города Эзерга Утиола. Неужели эльф еще не входил в кабинет? Но что-то мне подсказывало, что такого быть не могло. Солнце погаснет на небе, луна упадет на наши головы, если этот торгаш с раннего утра не даст указаний приказчикам, не пообщается с компаньонами, не подпишет десяток разных документов. Если эльф не умер, он обязан к этому часу всю трезвонить о пропаже, а если даже и умер, о ней будут трезвонить его наследники. Шум должен стоять на всю столицу, но его не было. Полнейшая гнетущая тишина.

Поставив кружку с недопитым кофе на журнальный столик, я уселся за компьютер. Для начала проверил почтовый ящик. Со вчерашнего дня никаких писем на мое имя не приходило. Быстро пробежал по сайтам новостей – молчание. Влез в закрытые файлы полиции – ничего. Странно, ну никак не мог Эзерг не сунуть нос в свой кабинет. Значит, огласка ему не нужна. Что же такое я умыкнул из его дома, что он боится довериться полиции? Может

быть, он сомневается в ее способности найти украденное? Боится или сомневается? Вот в чем вопрос. А главное, что предпримет для поисков своего добра?

Я взглянул на одежду, разбросанную в живописном беспорядке по полу гостиной. Когда утром я ввалился в квартиру, остатков сил хватило лишь на то, чтобы стащить все это с себя и добраться до кровати. Брезгливо двумя пальцами я поднял с пола грязную мокрую куртку, вытащил из карманов ночную добычу и разложил на столике рядом с кружкой. Немного подумав, высыпал содержимое кошельков на столешницу и стал все это внимательно рассматривать.

Пачка денег тысяч на двадцать смотрелась весьма солидно. Сотня золотых кругляшей с двуглавым орлом на аверсе – кикийские дублоны эпохи Воссоединения, каждый уйдет не менее чем за пятьдесят империалов. Два десятка бриллиантов отличного качества весело разбрасывали по комнате разноцветные колющие искорки преломленного солнечного света. Стоимость камней определить на глаз я не смог даже приблизительно, но знал наверняка, что старый Креб оценит их по достоинству и отвалит за брьюлики сколько полагается – надувать самого надежного и доходного поставщика он не рискнет, поскольку у скупщиков краденного, как и у любого другого предпринимателя, своя конкуренция. Неплохо, совсем неплохо! Даже с учетом перенесенных тягот только это в достаточной степени компенсировало все физические и моральные издержки прошлой ночи, а ведь есть еще и шкатулка, за которую заказчик обещал выплатить пятьдесят тысяч. Толкну камушки и золото, сдам шкатулку по назначению и махну в Паландру на Лазурный берег. Отдохну от дел месячишко-другой, поваляюсь на золотом песочке, в море поплаваю, среди аристократической публики потолкаюсь. С такими-то деньжищами меня в любом обществе примут за своего.

Еще раз окинул оценивающим взглядом кучу на столе и призадумался. Нет, не из-за денег и драгоценностей молчит эльф. Всему причиной, скорее всего, шкатулка. Взяв в руки эту вещицу, я начал внимательно разглядывать со всех сторон. Прежде всего меня удивил ее вес. Казалось, что она вовсе не пустотелая, а отлита целиком из золота или другого более плотного металла – настолько была тяжела, хотя в том, что предмет не металлический, а вырезан из бивня какого-то животного, сомнений не возникало. Замочной скважины для ключика я не заметил. По всей поверхности шкатулки искусным мастером-резчиком была нанесена витиеватая вязь. Таким сложным переплетением линий мне никогда еще не доводилось любоваться. После того, как я с минуту глазел на нее, рисунок ожил и начал складываться в какие-то непонятные символы. Поверхность шкатулки стала черной, значки рельефно выступили над ней и засветились переливчатым кроваво-красным пламенем. Казалось, если посмотреть еще немного, до сознания дойдет их сокрытый смысл и мне откроется некая великая тайна, откроется нечто такое, чего до меня никто никогда не знал... Вся моя сущность вновь, как прошедшей ночью у камина, устремилась навстречу этому манящему, огненному переплетению шевелящихся линий.

С трудом, огромным усилием воли я отшвырнул прочь от себя коварный предмет. Ничего себе! Оказывается, это тоже ловушка для дураков. В какие астральные дебри занесло бы меня на сей раз, с каким очередным монстром пришлось бы схватиться? Не знаю и знать не хочу.

Шкатулка мягко шлепнулась на поверхность дивана и вновь стала прежней – белой матовой коробочкой. От этой опасной вещи нужно держаться как можно дальше. Недаром заказчик предупреждал, чтобы я был максимально осторожен при обращении с ней и не делал попыток открыть ее. Кстати, о заказчике: ровно в час дня мне нужно позвонить по указанному номеру и договориться о месте встречи.

Я поднялся с дивана, собрал грязное мокрое тряпье с пола вместе с ботинками, прошел на кухню и выбросил все в прожорливую пасть утилизатора, внешне напоминавшего стиральную машину. Одно нажатие красной кнопки на панели прибора, и вещественные дока-

зательства моих ночных бдений в парке, рассыпавшись на атомы, исчезли в яркой вспышке. Выделившаяся энергия будет заботливо собрана в накопители, а затем использована для освещения, накачки и подогрева воды и многих других бытовых нужд. Образовавшаяся пыль по трубопроводу уйдет на специальное предприятие, где ее разделят на отдельные составляющие и утилизируют. Я всегда с восхищением наблюдал за тем, как масс-конвертер пожирает все, что в него попадает, и сожалел, что ученые пока не могут создать компактную модель. Весь этот агрегат занимает половину подвала здания, а в квартирах обитателей дома находятся лишь приемники материи. Такую бы энергетическую установку – да на автомобиль, было бы совсем неплохо: заправил придорожной грязью, накидал бычков из пепельницы и знай себе жми педаль газа без опасения, что топливо кончится где-нибудь между двумя заправками.

Из шкафа в спальном комнате я достал свежие трусы, футболку, легкий хлопчатобумажный костюм серого цвета и натянул на себя. Кинул мимолетный взгляд на собственное отражение в зеркале и, увидев там высокого, стройного, немного худощавого блондина с решительным взглядом серо-стальных глаз, остался доволен. На скорую руку поджарил четыре яйца на сковороде и с превеликим удовольствием отправил их в желудок. Потом прибрался на кухне.

Я был почти готов к выходу. Оставалась сущая мелочь – взять с собой все самое ценное. Вор никогда не знает, какие сюрпризы преподнесет судьба. Поэтому ему нужно всегда быть готовым к любым ее поворотам.

В гостиной я извлек из сейфа всю наличность и четыре кредитные карточки различных банков, оформленные на разных людей, каждым из которых, впрочем, был не кто иной, как я сам. Вытащил из системного блока главный кристалл памяти. Аккуратно сложил все, включая шкатулку, монеты и камушки, в небольшой молодежный рюкзачок с изображенной на нем грудастой полуобнаженной девицей – последний писк мировой моды.

В прихожей влез в легкие летние сандалии. Напоследок повернулся к зеркалу лицом и провел по нему ладонью правой руки от волос к подбородку. Теперь на меня смотрел уже не сероглазый блондин, а слегка полноватый сорокалетний брюнет с добродушной улыбкой на усатом лице.

Личины я научился творить самостоятельно еще в юном возрасте, когда находился на воспитании в детском приюте. Поначалу контролировать эти иллюзии продолжительное время у меня не получалось. Понемногу путем упорных тренировок я отточил мастерство и теперь мог поддерживать нужный образ сколь угодно долго. Единственным ограничением был сон – мне ни разу не удавалось сохранять фантом во сне. Была еще одна загвоздка при наложении личины. Если вы маскируетесь под конкретное лицо, вам обязательно нужно достоверно подделать и его голос. У меня это получилось сразу. Единожды послушав любого человека, могу без труда копировать все оттенки и интонации его речи.

Однажды, когда мне было лет одиннадцать, наш преподаватель физкультуры, скотина и пьяница, врезал мне на уроке своим волосатым кулачищем по носу. Стукнул просто так, ни за что, как он сам объяснил: «Для профилактики от борзости». Помню, как зло и радостно смеялись тогда ненавидевшие и боявшиеся меня одноклассники. Я не проронил и слезинки, вместо этого поднялся с пола и, размазывая кровь вперемешку с грязью, громко и во всеуслышание объявил, что через пару дней мой обидчик будет подыскивать себе новое место работы. В награду мне досталась еще одна затрещина от преподавателя и еще более гадкий и издевательский смех товарищей. Тогда я впервые использовал свои способности для жестокого отмщения обидчику.

На следующий день я дождался, когда учитель примет необходимую порцию спиртного и отрубится в своей комнате. Надев его личину, вооружился заранее украденной у него

же недопитой поллитровкой дешевого вонючего вина и двинулся с песней и похабными шуточками в адрес преподавателей женского пола напрямик к кабинету директора.

Не могу вспоминать без смеха расширенные от ужаса глаза молоденькой преподавательницы словесности, как удирал от меня математик, второй и последний наш учитель мужского пола, и сердитый взгляд директрисы, ее гневную обличительную речь в адрес «окончательно распоясавшегося алкоголика». Выслушав возмущенную тираду, я сделал неприличный жест прямо перед ее физиономией, раскупорил бутылку и залил дурнопахнущей жидкостью великолепный дубовый стол со всем, что на нем находилось. Потом, шутовски откланявшись побледневшей и впавшей в ступор от подобной наглости всесильной хозяйке детского приюта, отчалил, громогласно объявив пьяным хриплым голосом, что все мне надоели, пойду к себе спать. Через четверть часа полусонного, ничего не понимающего физкультурника погрузили в полицейский автомобиль. Больше я его никогда не видел и ничего не слышал о его судьбе. Как давно это было, теперь я даже имени его не могу припомнить.

Заперев дверь на ключ, бодрой трусцой я сбежал по лестнице со своего второго этажа в вестибюль. Тетушка Амалия, консьержка нашего подъезда, уже встречала жильца с радостной улыбкой на лице. Ей нравился веселый, вежливый квартиросъемщик господин Меллер, месяц назад приехавший в столицу по коммерческим делам. Мужчина внимательный: всегда поинтересуется здоровьем, спросит о внуках, часто дарит дорогие конфеты. Заботливый семьянин, тяжело переживающий вынужденную разлуку с женой и детьми, их у него целых трое. Жалко будет расставаться с таким положительным человеком.

Минут пять мы поболтали обо всяких пустяках. Поделились впечатлениями от вчерашней грозы. Амалия кратко изложила содержание очередной серии «любимого» нами обоими телесериала, что вчера не смог посмотреть занятый делами Меллер. Потом стала рассказывать что-то забавное про своих внучат. Чтобы прервать бесконечный словесный поток женщины, я вытащил из-за спины заранее припасенную коробку ее любимых конфет и ненавязчиво вручил любительнице поболтать, извинился, сославшись на занятость, и пулей выскочил на улицу.

Ровно в час дня я стоял у телефона-автомата, расположенного в пяти кварталах от места моего временного проживания. Прикрыв глазок видеокамеры носовым платком, набрал необходимый номер. На другом конце провода сразу подняли трубку.

- Вас слушают. – Мужчина явно нервничал – голос его заметно дрожал от волнения.
- Хищная птица унесла цыпленка. – Я произнес условную фразу.

Не знаю, что произошло с моим собеседником, потерял дар речи или от счастья упал в обморок – видеокамера на другом конце провода также была заблокирована. Больше минуты трубка молчала. Наконец заговорил другой, более спокойный голос:

- Мы рады это слышать. Встречаемся через полчаса во дворе дома семнадцать по Кривому переулку. Предмет держите при себе. Успеете добраться?
- Не беспокойтесь, буду на месте вовремя.

На этом разговор закончился. Отключившись от абонента, я поспешил к машине. Нужно еще успеть сориентироваться по карте, где находится этот Кривой переулок. Никогда о таком не доводилось слышать...

«Кентавра» я оставил на платной стоянке в километре от места встречи. Никакого подвоха со стороны заказчика я не ожидал – обычная, даже привычная процедура. Можно было бы потребовать от покупателя перечислить деньги на указанный счет в каком-нибудь банке или положить их в электронном виде в мой сетевой кошелек, но я почему-то больше доверяю обычной хрустящей бумаге, отпечатанной на Государственном Монетном Дворе. Не подумайте, что я молодой ретроград – храню деньги в чулке и никогда не пользуюсь банковскими услугами или кредитными картами. Конечно же нет, но я предпочитаю держать цифры своих

счетов, как банковских, так и электронных, в собственной голове. Поэтому я сначала получаю от клиента наличные, а потом уже сам доверяю их разного рода заведениям, призванным оберегать и приумножать частные капиталы граждан. Такая схема расчетов еще ни разу не дала сбой.

Кривой переулочек хоть и находился в престижном районе города, вызывал гнетущее впечатление. Груды мусора на мостовой. Обшарпанные, полуразрушенные бетонные пятиэтажки времен лихорадочного послевоенного обустройства столицы, когда строили быстро, много и без особых изысков, были словно близнецы-братья. Нельзя ругать тогдашнее правительство, поскольку народ-победитель, в одиночку выстоявший против натиска половины государств континента, нуждался в жилье. Может быть, когда-то эти дома казались дворцами на фоне развалин, в которые был превращен город многочисленными бомбовыми ударами воздушного флота Западной Коалиции. Теперь, простояв семьдесят лет, здания выглядели так, будто танковая армия генерала Готорна вновь подошла к окраинам Вундertaуна и накрыла их своей огневой мощью. Стало понятно: жители покинули это захолустье не так уж и давно и перебрались в места, более приспособленные для жизни, а эта улочка стараниями предприимчивых подрядчиков в недалеком будущем превратится в большую стройплощадку.

Когда я проходил мимо тринадцатого дома, в мозгу тревожно застучали молоточки. Сбавив скорость, я начал анализировать свои ощущения. С каждым шагом к намеченной цели шум в голове усиливался. Свойство подсознания заранее чувствовать приближение опасности не раз помогало мне выкручиваться из многих неприятных ситуаций. Сейчас оно явно старалось предупредить меня о чем-то нехорошем.

Остановившись у чахлого деревца, я снял с плеч рюкзак и, делая вид, что ищу в нем что-то, окинул беглым взглядом улицу. Вроде бы ничего особенного не видно. Ни одного транспортного средства на проезжей части, ни души на тротуарах. Из зданий, уставившихся на белый свет пустыми глазницами давно выбитых окон, не доносится ни единого звука.

Чудесное местечко для засады: шума никто не услышит, и остывший труп спрятать есть куда, найдут не скоро. Похоже, кто-то устроил здесь настоящую охоту – слишком уж громко стучит в голове, и охоту не на кого-нибудь, а на славного Коршуна. Не думаю, что это наемники Утиола – маловато времени прошло для того, чтобы самые крутые ищейки смогли взять мой след. Скорее всего, заказчик решил сэкономить и причитающиеся мне денежки оставить для покупки конфет своим любимым чадам. В моей практике подобное случалось неоднократно, но лишь в начале карьеры. Пришлось доходчиво объяснить людям, что кидать Коршуна не только глупо, но и очень даже опасно для их здоровья. Последние пять-шесть лет не было случая, чтобы заказчик попытался посягнуть на мое добро или жизнь. Ну что же, клиент всегда прав, и если он меняет правила игры по ходу пьесы, придется действовать согласно написанному им сценарию, только финал будет неожиданным для автора.

Закинув рюкзак за спину, как ни в чем не бывало я продолжил движение. Организм еще недостаточно восстановился после ночных приключений, но все равно я был готов к предстоящей схватке с пока неизвестным противником.

У крайнего подъезда семнадцатого дома будто невзначай я запнулся и пулей заскочил в настежь распахнутые двери. Дальше вместо меня навстречу неизвестности двинулся фантом. Теперь мое сознание находилось одновременно в двух местах. Одна его половина пряталась на лестничной клетке между первым и вторым этажами, другая двигалась туда, куда указал заказчик. Максимально сконцентрировавшись на фантомной сущности, я приготовился наблюдать за дальнейшим ходом намечающегося действия.

Обогнув здание, я попал во внутренний дворик, вышел к заваленной разным хламом детской площадке и остановился в ожидании, поскольку не знал, что делать дальше. Минут пять бестолково стоял столбом, вдоволь успев налюбоваться удручающим пейзажем. Поло-

манные качели, вывернутый из земли турник, разбитые лавочки, корявые, ободранные кусты сирени и черные круги кострищ на чахлой травке – следы недавних пиршеств бродяг никаких чувств, кроме жалости и сожаления, вызвать не могли. Теперь мне стало окончательно ясно, что, кроме бомжей, никто здесь не живет и ждать помощи от постороннего не приходится. Кричи не кричи – все напрасно.

Из-за угла следующего по порядку дома показалась фигура мужчины с кейсом в руке и направилась напрямик в мою сторону. Пока незнакомец неспешно шагал по местам поросшему травой асфальту, я успел его хорошенько разглядеть. Крепкая коренастая фигура в кожаном плаще, обычное, неброское лицо под черной шляпой – столкнешься с таким нос к носу и через минуту не узнаешь, встретив еще раз. Мужчина приветливо улыбнулся и махнул мне рукой. Я махнул ему в ответ и пошел навстречу.

– Вы Коршун? – Голос его был мягок и невыразителен.

В ответ я кивнул (к великому сожалению, разговаривать свои эфемерные творения я пока не смог выучить).

– Вещица при вас?

С моей стороны последовал очередной кивок.

– Позвольте полюбопытствовать?

Сделав понимающее лицо, я вытащил из кармана шкатулку. Незнакомец хотел подойти поближе, но я поднял руку в предупреждающем жесте и отступил на шаг. Не хватало еще, чтобы парень прошел сквозь меня.

– Прекрасно вас понимаю – осторожность прежде всего. – Он улыбнулся, но как-то не очень естественно и потряс портфелем: – Здесь деньги, сейчас я их достану, и мы обменяемся.

Мужчина расстегнул кейс и неуловимым движением что-то выхватил из него. Вспышка, негромкий хлопок, и десятиграммовая пуля диаметром девять миллиметров вошла точно в мой лоб и, не встретив на пути препятствия, со звоном разбила чудом уцелевшее стекло в одном из окон первого этажа. На глазах изумленного киллера жертва, вместо того чтобы замертво рухнуть наземь, беззвучно растворилась в воздухе.

Разрушив фантом, я оставил на его месте скаута и с его помощью продолжал наблюдать, что будет дальше. Несостоявшийся убийца не обратил внимания на маленький воздушный вихрь, сформировавшийся там, где мгновение назад находился объект ликвидации. Вихрь сместился в сторону кустов сирени и остановился у корней, весело играя опавшим листочком.

– Ничего не понимаю, куда же он подевался?

Человек недоуменно, кончиком ствола сдвинул со лба шляпу и стал им же чесать у виска. Опомившись, он с опаской посмотрел на грозное оружие убийства и от греха подальше засунул его во внутренний карман плаща. Трясущимися руками он извлек из бокового кармана «Персифаль» в золоченой упаковке, выхватил зубами прямо из пачки сигарету и, щелкнув зажигалкой, жадно затянулся дымом.

«Дорогой табак курит, сволочь, – отметил я про себя. – Наверное, заказов хоть отбавляй».

Тем временем к нему с разных сторон бежали еще двое сообщников. Тот, что был чуть выше и худощавее, на ходу громко кричал:

– Бруно, где объект? В кого ты стрелял?

Но Бруно выпученными как у карпа глазами смотрел на подельника, безостановочно затягиваясь выкуренной уже наполовину сигаретой.

Второй подбежавший был ниже своих товарищей. Он в свою очередь заорал:

– Колдун, точно колдун! Я своими глазами видел, что Бруно не промахнулся, – слепым надо быть, чтобы промазать с двух метров...

– Да не трещи ты как сорока, Вольф! – оборвал его длинный.

– Не Вольф, а Вольфганг, пора бы уже запомнить, Вилли! – обиженно поправил долговязого коротышка.

– Тогда я для тебя не Вилли, а Вильям! – Длинный с серьезными намерениями двинулся в сторону Вольфа.

Перепалка грозила перерасти в потасовку. Похоже, ребятам были не впервой подобные дискуссии на предмет выяснения и окончательной констатации очень важного вопроса – кто из них круче. Однако назревающий конфликт был прерван грозным рыком Бруно:

– Вы что, сдурели? Поберегите прыть для беседы с шефом! Что мы ему скажем? Извините, заказ выполнить не смогли по причине того, будто нам показалось, что объект прибыл на место встречи, а его на самом деле там вовсе и не было!

– Да был он, был! – продолжал кипятиться длинный Вильям. – Я сам видел!

– Морок это, – безапелляционно заявил Вольфганг. – Слышал я про такие штучки магов. Сам находится где-то на одном конце города, а люди видят его совсем в другом месте. Тебе повезло, Бруно, что этот оказался обычным призраком, говорят, они могут создавать настоящих двойников. Что бы он с тобой сделал, если его и пуля не берет?

– Мелешь языком сам не знаешь чего! – тут же возразил напарнику высокий. – Нам что про него говорили? Вспомни-ка! Вор он, умыкнул вещицу, а заказчик бабло по полной программе выкладывать не желает. Клиент платит нам, чтобы сэкономить. О том, что он маг, базара не было.

– Интересно, сколько он пообещал парню, если за то, чтобы от него избавиться, с ходу готов отслюнявить десять кусков? – Коротышка с азартом поддержал волнующую всех тему и с горечью добавил: – Придется теперь возвращать аванс.

Лицо Бруно побагровело от ярости.

– Вот им! – Он сунул Вольфу под нос фигу: – Мои нервные страдания стоят тех трех кусков, что кинул нам шеф! Себе оставил большую часть, а нам по штучке! Справедливо?

– Он все-таки главный, работенку нам подбрасывает регулярно, что бы мы без него делали? – робко попытался возразить Вилли.

– Кончай базар! Благодетеля нашел. Пашем на него круглые сутки, а что имеем? С барского стола крохи – вот что мы имеем! – Вольф азартно поддержал Бруно. – Валишь от него надо! Пора самим выходить на заказчика, брать бразды в собственные руки!

Производственное совещание переросло в стихийный профсоюзный митинг неправых работников плаща и кинжала и грозило затянуться на неопределенный срок. Ребята разошлись не на шутку. Экспансивный Вольфганг был готов с кулаками доказывать, что именно сейчас наступил наиболее подходящий момент для создания собственного дела, что конъюнктура рынка вполне это позволяет. Вильям пытался возражать, но коротышка его не слушал. В результате бурной беседы бандиты перешли на личности и снова едва не подрались.

Бруно, как главный и более сообразительный из всей троицы, первым пришел в себя, поднял руку, призывая подельников к спокойствию, и заговорил уже взвешенно и деловито:

– Братья, хватит ругаться! В данной ситуации шефа кидать нам не с руки. Из-под воды достанет, под землей сыщет. Появится удобный момент, тогда и свалим. Не переживайте, будет и на нашей улице праздник, небо в алмазах, лучшие телки и прочие радости жизни. Сейчас быстро мчим к главному, рассказываем, как все происходило. Хорошо, что нас трое – одному ни за что не поверил бы. Ему решать, что делать дальше. Не знаю, как вы, но я на устранение этого парня ни за какие коврижки больше не подпишусь.

Я стоял и внимательно слушал разговор трех несостоявшихся убийц. Хотелось выскочить из укрытия, ускорившись, три тычка пальцем – и они станут трупами. Как говорится, охотник нашел свою пулю. Однако принципы не позволяли мне этого сделать – я вор, а не

убийца. Конечно, если моей жизни будет угрожать непосредственная опасность, придется защищаться всеми доступными средствами. Пока таковой не было, да и проследить за ребятами стоило. Возможно, их босс не успокоится и пошлет за моей головой следующую партию охотников.

Завершив бурные дебаты, троица двинулась прочь со двора.

Покрутившись немного на месте, воздушный вихрь последовал за ними. Проводив ребят до припаркованного на изрядном удалении «Мустанга» и дождавшись, когда автомобиль тронется, я отключил сознание от скаута. Теперь вихрь как верный пес будет сопровождать группу, оставаясь незамеченным. На расстоянии более километра аудиовизуальная связь невозможна, но при желании я всегда смогу получать информацию о местоположении своего магического соглядатая и соответственно о том, где находятся Бруно и его товарищи.

Глава третья

Покинув убежище, я шел по улице и размышлял о превратностях судьбы. Значит, этих типов послал заказчик. Давненько меня не пытались кинуть подобным образом. Ну что же, если у их босса хватит наглости послать еще кого-нибудь по моему следу, придется разбираться быстро и жестоко. Надеюсь, до смертоубийства дело не дойдет, но на здоровых ногах и с целыми руками они от меня не уйдут. Теперь неплохо бы встретиться с моими нанимателями.

С бортового компьютера «Кентавра» я сделал запрос и через минуту знал, по какому адресу установлен телефон того, кто послал меня в Кривой переулок. Через двадцать минут мой автомобиль уже выруливал на автостоянку, расположенную неподалеку от искомого строения.

Семиэтажное здание оказалось дешевой гостиницей в одном из пролетарских районов столицы. Оно было выкрашено снаружи в аляповатый розовый цвет, давным-давно потерявший яркость. Похоже, прижимистый хозяин всячески тянул с ремонтом и ждал, когда его оштрафует комиссия по надзору за благоустройством города.

Мне предстояло проникнуть внутрь здания и познакомиться с жильцами номера пятьсот девять. Личина добропорядочного господина Меллера вполне подходила для этой цели. Без объяснений причины визита я сунул мелкую купюру в лапу швейцара и, стараясь поменьше привлекать внимание немногочисленной публики в холле гостиницы, уверенно прошел мимо дремлющего портье и поднялся в лифте на пятый этаж.

Изнутри все выглядело еще хуже, чем снаружи. Ободранные, заплыванные стены, украшенные надписями фривольного содержания, скрипучий деревянный пол, грязный потолок – все это недвусмысленно указывало на то, что в ночное время законопослушному обывателю в этом притоне делать нечего.

Дверь искомого номера, впрочем, как и все остальные, была расписана изображениями голых девиц с соответствующими комментариями и телефонами этих, а возможно и не только этих девушек легкого поведения. Подробно изучать настенную роспись я не стал – не до того сейчас, а сразу нажал кнопку звонка. Реакция была нулевой. Никто открывать не торопился. Какой-либо суеты за дверью я не услышал. Надавив на кнопку еще раз и не дождавшись ответа, я повернул ручку. Дверь оказалась не заперта. Убедившись, что в коридоре по-прежнему пусто, я шагнул в темный проем гостиничного номера.

Внутри никого не было. Я тщательно осмотрел обе спальни, гостиную, не забыл проверить туалет и ванную. Никаких особенных следов таинственного заказчика или заказчиков. Кроме пепельницы, полной окурков весьма дорогих сигар, и двух чашек с недопитым остывшим кофе, я ничего не обнаружил. По виду окурков можно было сделать вывод, что один из обитателей номера сильно нервничал: некоторые из них были выкурены почти до конца, другие лишь начаты, но все они были измочалены курильщиком о пепельницу. Про второго жильца ничего определенного сказать было нельзя.

Без особой надежды я подошел к столику, на котором зеленым огоньком помигивал монитор компьютера. Мои опасения подтвердились: все данные с главного кристалла были удалены. Через локальную сеть гостиницы я вышел на местный сервер и там, как ни странно, кое-что обнаружил. За месяц из этого номера отправили всего два письма. Одно было послано на мой сетевой адрес двадцать шесть дней назад, другое – неделей давности, предназначалось неизвестному получателю. Сами тексты были тщательно уничтожены, но о содержании первого я знал точно, а о том, что было во втором, не сложно оказалось догадаться. Сначала ребята сделали заказ на шкатулку, потом на меня. Оставалось установить телефонные контакты жильцов номера. Я сделал запрос на АТС и через десять секунд

держал в руках распечатку всех входящих и исходящих звонков. Все, больше здесь делать нечего. С этим разберусь позже. Обитатели покинули стены заведения и, по всей видимости, возвращаться сюда не собираются. Пора сматываться, пока не нагрянули представители администрации гостиницы и не застали господина Меллера за занятием, вовсе не типичным для законопослушного предпринимателя...

Никем не замеченный, я покинул отель. Половина четвертого. Солнце палит беспощадно. Духотища. Даже не верилось, что еще ночью над городом властвовала стихия: гремел гром, сверкали молнии, потоки воды низвергались с небес на землю. Добравшись до машины, я максимально затемнил окна, включил кондиционер и стянул с себя пиджак и рубашу, подставив разгоряченное тело освежающей струе воздуха. Немного поблаженствовал, потом достал из кармана распечатку и стал ее внимательно изучать. Вот звонок, который был сделан мной в час дня. Потом сразу позвонили из отеля, и в половине третьего кто-то вызвал постояльцев пятьсот девятого номера и пару минут общался с ними. После этого жильцы сразу же выехали из гостиницы. Значит, кто-то оповестил их о неудавшемся покушении. Где же мне теперь их искать? С кого требовать бабки за выполненную работу?

Вытащив из рюкзака шкатулку, я поставил ее перед стеклом на приборную панель. Хитросплетение линий орнамента тут же зашевелилось перед глазами, складываясь в знакомые очертания знаков магической печати. Взгляд будто приковало к артефакту, он начал вновь овладевать моим сознанием. Чтобы не видеть огненных символов, я лихорадочно накрыл шкатулку руками. Отпустило. Осторожно, стараясь ненароком не зацепить взглядом опасный предмет, я водворил вещь на самое дно заплочного мешка. После этого смахнул выступивший пот со лба, достал из холодильника бутылку яблочного сока и откинувшись поудобнее в кресле, смакуя напиток прямо из горлышка.

Итак, что мы имеем? Недобросовестного заказчика, который не собирается оплачивать мои услуги, более того, банальным способом пытается от меня избавиться. Трех придурков – неудачливых убийц, мечтающих выпорхнуть из-под крылышка «крестного папы» и начать собственное дельце. Одного эльфа, который должен сейчас звонить во все колокола о ночной пропаже, но не делает этого по неизвестным мне причинам. И что это за шкатулка, которую в руки взять страшно?

«Во что ты на сей раз впутался, птица коршун?» – Ответа на самому себе заданный вопрос я не знал.

У меня даже версий никаких не было. На данный момент хотелось одного: встретиться как можно быстрее с заказчиком, сдать из рук в руки опасный предмет и махнуть прочь из города на юг, на песчаные пляжи моря Лайр. Я готов был даже простить ему покушение, лишь бы избавиться от артефакта. Однако шестое чувство нашептывало, что мои злоключения только начинаются. Может быть, выкинуть проклятую добычу в ближайший мусорный бак, распрощаться со столицей и воплотить в жизнь мечты об отдыхе у моря? Представив, как после купания в соленой морской воде буду валяться в шезлонге под лучами ласкового солнышка, лениво потягивая легкое сухое вино, я даже зажмурился от удовольствия.

Потом с сожалением открыл глаза и столкнулся с суровой реальностью в виде рюкзака с ненавистной шкатулкой. Никуда я ее не выкину – воровская честь не позволит мне проявить подобное малодушие. Что будет послезавтра, если завтра станет известно, что хваленый неуловимый Коршун струсил и не отомстил за нанесенное ему оскорбление? Самый захудалый рыночный щипач побрезгует протянуть мне руку для приветствия. По притонам и малинам среди тех, кто в подметки мне не годится, пройдет слух о позоре бывшего кумира толпы. Вчерашние фанаты будут так же усердно втоптывать в грязь мое имя, как до этого превозносили. Смогу ли я подняться после такого удара?..

Нет, нет и еще раз нет! Никто и никогда не давал Коршуну пощечину, не получив сдачи. Деваться некуда. Положение обязывает – буду трепыхаться дальше, чем бы все ни закончилось.

Приняв решение, я сосредоточился и приказал скауту вернуться с докладом.

Через пять минут вихрь появился в салоне и завис над передним пассажирским креслом. Я закрыл глаза, чтобы ничего не отвлекало, и подключился к шпиону...

Автомобиль с тремя незадачливыми головорезами проследовал в деловую часть города и остановился неподалеку от двухэтажного здания, построенного совсем недавно в стиле новейшего модернизма. Почти весь фасад был сплошной стеклянной плоскостью, непроницаемой снаружи для постороннего любопытного взгляда. На стене у парадного входа красовалась табличка: «Мозель и сыновья. Экспорт-импорт цветных металлов». Однако ребята, проигнорировав парадный подъезд, двинулись в обход здания и, достигнув служебного входа, позвонили в дверь. Обе ее створки гостеприимно распахнулись, из невидимого динамика приятный баритон сообщил:

– Заходите! Шеф ждет.

Троица протопала по витой широкой лестнице на второй этаж. Бруно без стука распахнул одну из дверей, и группа очутилась в прохладном сумраке необъятного кабинета. Сразу поражал контраст новомодного архитектурного стиля здания и архаичного убранства кабинета. Раритетная мебель, старинные гобелены по стенам, на окнах шторы из тяжелой парчи, богатая позолоченная лепнина на потолке, стенах и камине – все это больше подходило для загородного дома какого-нибудь вельможи позапрошлого века, чем для современного офиса. С другой стороны, как я понял, по задумке хозяина клиент, попадающий сюда впервые, должен быть ошарашен и подавлен величием и богатством обстановки.

За столом, поверхность которого была обита зеленым сукном, сидел худощавый человек, одетый в черный костюм, и что-то писал старинной чернильной ручкой с золотым пером, тщательно, даже самозабвенно выводя буквы на листе бумаги. С минуту он не обращал внимания на застывших у дверей визитеров. Закончив, мужчина поставил внизу документа размашистую подпись, положил бумагу сверху стопки таких же листов и придавил тяжелым золотым пресс-папье. Лишь после этого он соизволил посмотреть в сторону вошедших своими бесцветными, ничего не выражающими глазками. Голос его был тих и спокоен, но почему-то при его звуках становилось неуютно:

– Бруно, рад тебя видеть. Надеюсь, мое поручение не отняло у тебя и твоих ребят слишком много сил? Выкладывай на стол штуковину и вали к бухгалтеру за остальными деньгами. Заказчик ждет.

Наемник пребывал в явном смущении. Уставившись в потолок, он размышлял, как поделкатнее, чтобы не вызвать незаслуженного гнева, объяснить хозяину, что троица провалила задание. Наконец, махнув рукой на последствия, Бруно рассказал, как все произошло на самом деле в безлюдном дворе дома номер семнадцать.

– В общем, господин Мозель, нарвались мы на самого настоящего мага. Еле ноги унесли, – слегка приврав для придания повествованию дополнительного драматизма, закончил наемник.

– Что ты мне сказки рассказываешь! – Лицо босса побледнело от злости. – Какой маг?... Вор он! Талантливый, неуловимый, но вор! Будь парень хоть каплю колдуном, не стояли бы вы сейчас здесь. Неужели ты думаешь, что настоящий маг так запросто отпустил бы вас? Признайся, Бруно, в каком кабаке торчала ваша троица вместо того, чтобы заниматься делом, и какой дури вы там наглопались?

– Но... босс... я не вру! Вот... и ребята подтвердят! Они все видели! – Казалось, Бруно вот-вот разрыдается от незаслуженного оскорбления. – Можете проверить сами...

– Сейчас и проверим. – Хозяин кабинета нажал на кнопку селектора внутренней связи и коротко приказал: – Срочно Яйцеголового ко мне.

Через минуту в комнату вошел мужчина средних лет и феноменально уродливой наружности. Был он невысок, грузен, узость его плеч с лихвой компенсировала необъятная ширина таза, которая делала его похожим на живую пирамидку на тонких ножках. Череп человека был лыс, будто девичье колено, и странно вытянут, словно вместо обычной головы ему надели на шею огромное куриное яйцо, тупая часть которого была лицом. Это сходство усиливалось почти полным отсутствием у странного индивида ушных раковин. Без дополнительных указаний со стороны Мозеля он подошел к Бруно и взял его за руку. Наемник попытался скрыть брезгливое выражение на лице, но полностью ему это не удалось.

«Эмпат, а может быть и телепат, – пронеслось в моей голове. – Серьезный этот парень Мозель. Не удивлюсь, если в его штате отыщется парочка магов».

Некоторое время Яйцеголовый, закрыв глаза, анализировал свои ощущения. Потом он поочередно обследовал трясущихся от страха Вольфа и Вилли. Наконец прохрипел низким, неприятным голосом:

– Бруно сказал правду. Насчет опасности приврал, конечно, никто за ними не гнался, но по сути его рассказ верен. Тот парень если не маг, то обладает мощными гипнотическими способностями. Я все-таки склонен считать, что это был сильный маг.

Босс выскочил из-за стола и подбежал к эксперту. Он оказался с ним одного роста и выглядел рядом с уродом писанным красавцем, хотя таковым и не являлся.

– Ты уверен? Он действительно маг?

– Мозель, сколько я на тебя работаю? – задал вопрос Яйцеголовый и сам на него ответил: – Лет десять, не меньше. Если ты вспомнишь, что я хоть раз ошибся, готов съесть без соуса шляпу Бруно. За базар отвечаю.

Киллер с опаской коснулся рукой головного убора. По всему было видно, что он им дорожит и скармливать никому не собирается.

– Не ерепенься, Грох, – примирительно оскалился главарь. – Тебе верю безоговорочно. Так, вырвалось. Без обид, ладно?

Яйцеголовый никак не отреагировал на реплику босса. Он развернулся и, не прощаясь ни с кем, молча покинул компанию.

Мозель зло посмотрел на переминавшихся с ноги на ногу головорезов.

– Чего уставились? Пока свободны! Аванс оставьте себе. Понадобитесь – позову!

Лица бандитов посветлели. Ребята подтянулись и строевым шагом покинули кабинет. Скаут, привязанный к Бруно, поспешил за ними.

Дальше было неинтересно. Парни в полном составе направились в ближайший кабак, где для снятия стресса активно вступили в неравную битву с зеленым змием посредством употребления наиболее крепких напитков из богатого ассортимента питейного заведения.

Отключившись от соглядатая, я пожалел, что скаут не остался в кабинете. То, что Мозель предупредил заказчиков, не вызвало никаких сомнений. Иначе как объяснить поспешное бегство из гостиницы обитателей пятьсот девятого номера? Сейчас меня больше интересовало, откажутся они или нет от дальнейшей охоты за моей головой. На всякий случай я вновь отправил разведчика, теперь уже за главарем бандитской шайки – может быть, Мозель сам даст ответ на этот вопрос.

Я взглянул на циферблат наручных часов. Четверть пятого. В животе заурчало. Давно пора пообедать. Я оделся, привел себя в порядок, повысил светопроницаемость стекол и тронулся в путь, высматривая уютный ресторанчик, рядом с которым можно было бы припарковаться.

Таковой обнаружился в самом скором времени.

Примерно через полчаса, повеселевший после черепахового супа, бифштекса с жареным картофелем и стакана виноградного сока, я мчался домой. Когда до цели оставалась пара километров, в голове второй раз за день предупреждающе застучала барабанная дробь. Снизив скорость, я отключил внутреннюю охранную сигнализацию, чтобы не мешала, предельно сосредоточился и, не останавливаясь, миновал здание, которое покинул несколько часов назад и которое служило мне надежным убежищем в течение почти целого месяца подготовки ко вчерашнему визиту в дом знатного эльфа.

Вот это да! Только на улице я вычислил четырех типов, которые по необъяснимой причине вдруг заинтересовались ничем не примечательной типовой девятиэтажкой, даже не всем зданием, а всего лишь одним подъездом, в котором имел неосторожность проживать господин Меллер. Кажется, один из четверки был магом. Их несложно было выделить из толпы по ауре характерного зеленоватого оттенка. Развернувшись на ближайшем перекрестке, я еще раз неспешно проехал мимо теперь уже бывшего своего обиталища. Все сходится – четверо на улице и трое внутри. Сидят, ждут и думают, что наконец-то прищучили Коршуна. Не возникало никаких опасений, что засада сможет засечь меня на проезжей части. В режиме пассивного сканирования я ничем не отличался от обычного человека. Мысленно попрощавшись с жилищем, к которому уже успел привыкнуть и о котором теперь следовало навсегда забыть, я нажал педаль акселератора, мотор взвыл, и мой верный полуконь-получеловек золотистой каплей рванул, унося неуловимого Коршуна прочь от очередного разоренного гнезда.

К запасной берлоге я приближался с наступлением сумерек, предельно наострив уши. Дело начинало пахнуть керосином. Интуиция подсказывала, что западню, которую я так удачно вычислил и в которую не менее удачно не влетел, организовали не люди Мозеля – совсем другой почерк и размах. В Кривом переулке были дилетанты, по сути – обычные костоломы, возмнившие себя крутыми парнями. Здесь налицо профессионализм исполнителей. Если бы я не обладал некоторыми способностями, вполне возможно, покоился бы сейчас холодным трупом с камушком на шее где-нибудь на грязном дне Реи. Неужели заказчики препоручили убрать меня кому-то другому, а может быть, я недооцениваю возможности Мозеля? Вполне вероятно, что и в его штате имеются мастера, до уровня которых Бруно со товарищи расти и расти.

Еще один вопрос не давал мне покоя: каким образом преследователям удалось вычислить место моего проживания? Никто из соседей донести не мог, поскольку бизнесмен Меллер был вне всяких подозрений. Постоянных контактов с кем-либо я не поддерживал и планами ни с кем не делился. До сих пор даже в воровской среде ни один человек не знает Коршуна в лицо. При всей своей материальности я загадочный призрак – ужас, крадущийся в ночи, или абстрактный образ-страшилка, которым жены полицейских пугают своих отбившихся от рук чад.

Еще ни разу за долгие годы успешной работы меня так не обкладывали. Маг и шесть боевиков – не многовато ли на одного? Тут до меня дошло, что в засаде находилось семь человек. Вот черт, их же было семеро! Как же я сразу не обратил внимания на эту деталь?! Число «семь» – священное число Гильдии наемных убийц! Меня одновременно кинуло и в жар и в холод. Легендарные охотники из легендарной Гильдии, которых боялись еще могучие цари древности и всячески задабривали дорогими подарками, идут по следу Коршуна. Кто же смог отвалить баснословную сумму за скромную голову обыкновенного вора? Те, что наняли меня для похищения шкатулки, отпадали сразу. Им было бы дешевле выплатить исполнителю заранее оговоренные бабки, да еще и премию дать процентов в двести-триста, чем связываться с Гильдией. Неужели беспощадных псов направил по мою душу мстительный Эзерг Утиол? Как ни крути, выходит так. Что же теперь делать? Скрываться от убийц-профессионалов бесполезно. Рано или поздно маги Гильдии обнаружат любого, в какую бы

личину он ни рядился. В их арсенале тысяча и один способ устранения людей: яд в пище, острый стилет в сердце, случайная царапина о ядовитый шип на загородной прогулке – конец один. Меня прихлопнут чисто, аккуратно, без лишних мучений, если, конечно, заказчик дополнительно не оплатил пытки.

Сказать, что я испугался, – значит ничего не сказать.

В расстроенных чувствах я загнал машину в гараж маленького домика на западной окраине города. Идеальное место, чтобы затаиться на некоторое время. Одноэтажное здание ничем не выделялось из множества подобных строений небольшого района. Удивительно, как в огромном мегаполисе удалось уцелеть этому осколку седой старины. Деревянные домики, хвастающиеся друг перед другом причудливой раскраской. Обязательный палисадник с множеством цветов перед окнами. Плодовый сад позади двора. Здесь люди по вечерам не бросаются как угорелые к экранам телевизоров, а культурно сидят на скамейках и ведут неспешные беседы о погоде, политике и других интересных вещах. Здесь каждый знает все о соседе, но не торопится делиться информацией с чужаком, и если тебе повезло стать своим для здешних обитателей, то лучшего места спрятаться в столице не найти.

Разъездной торговец Дэйл Прудли, солидный холостяк за сорок, весельчак и балагур, любитель в свободное время посидеть с кем-нибудь из соседей во дворе своего домика за кружкой пива или стаканом домашнего вина, всего за полгода успел перезнакомиться и подружиться со всей округой. Совсем не случайно для маскировки я воспользовался именно этим образом. Во-первых, имидж уже не молодого закоренелого холостяка помогал избежать излишнего внимания женского пола. Во-вторых, профессия коммивояжера позволяла объяснять людям мои частые отлучки. Вообще-то мне здесь нравилось – чистый воздух, тишина. Не раздражала даже немного навязчивая манера соседей сваливать на бедную голову первого встречного все свои радости и печали. Воспитаннику детского приюта для сирот, мне всегда на подсознательном уровне хотелось семейного уюта и родительской ласки. Купив по дешевке этот домик, я сотню раз поблагодарил Создателя, что он послал мне его. Среди этих людей, небогатых, но не потерявших способности делиться последней крошкой с ближним и сопереживать чужому горю, я чувствовал себя так, будто в их лице приобрел настоящую семью.

Вот и сейчас, не успел я запереть ворота гаража, как ко мне явились гости: тетушка Исидора, или попросту Дора, с блюдом пирожков свежей выпечки, и ее супруг Арнольд – пожилая пара из дома через дорогу. Я любил этих людей, как, наверное, любил бы собственных мать и отца. Они были вместе уже почти полвека. Детей бог им не дал, и всю нераstraченную родительскую заботу и ласку они по неизвестной мне причине щедро изливали на Дэйла Прудли.

– Дэйлик, дорогой, как ты вовремя! – закричала тетушка, едва успев войти во двор. – Я тут тесто с утра замесила, пирожков напекла. Как чувствовала, что приедет мой мальчик. Где тебя носило целый месяц? Мы с дедом начали было беспокоиться – не случилось ли чего.

– Прошу в дом! – Раскланявшись с женщиной и крепко пожав руку ее мужу, я широким жестом пригласил стариков к себе. – Обожаю ваши пирожки, тетушка. Все расскажу за ужином. Вы, конечно, поможете его приготовить? Все необходимое я привез. Сейчас пакет с харчами будет предоставлен в полное ваше распоряжение.

Пока женщина сутилась на кухне и накрывала на стол в гостиной, мы с Арнольдом за бутылочкой красного вели неспешную беседу о погоде и последних событиях внешнеполитической жизни. Вообще-то говорил больше сосед, я лишь поддакивал – иногда в такт, иногда невпопад, – и отделялся общими фразами, когда собеседник спрашивал моего мнения по какому-то конкретному вопросу. Как водится, старик возмущался современными нравами и вспоминал, как во времена его молодости все было значительно лучше: солнце ярче, трава зеленее, люди добрее. Покончив с анализом политических событий, Арнольд поде-

лился последними сплетнями из жизни соседей: старики умирали помаленьку, молодежь обзаводилась семьями и разъезжалась по другим районам столицы или вообще в другие города.

– Молодые не хотят жить в стесненных условиях двух-трех комнат, им подавай шикарные апартаменты, желательно как можно ближе к центру, – жаловался сосед. – Уедут и забывают, откуда родом. Старикам на глаза лишний раз показаться – целая проблема, хотя подчас живут в пяти шагах.

– Хватит ворчать, старый брюзга, вспомни, с какой охотой мы в молодости сами навещали родителей! – Тетушка Дора со смехом прервала жалобы мужа. – Пока твои или мои не отпишут и строго-настрого не прикажут предстать пред их родительские очи, тут уж деваться было некуда.

– Нашла с чем сравнивать! Мы работали: я у станка, ты в отделе технического контроля – тоже не сахар. Стране нужно было оружие, много оружия. Помнишь, старуха, тогда со всех сторон враг угрожал самому существованию нашей Родины: Халифат с востока, с запада Коалиция, даже Гоннор через океан тянул свои жадные ручищи к нашим богатствам. Это теперь со всеми замирение вышло, а в те времена не проходило недели, чтобы учебной тревоги не объявили. Со дня на день ждали, когда на нас нападет кто-нибудь.

– Если бы твои любимые партократы во главе с Великим Старком еще пару лет продержались у власти, тогда бы точно война началась. Кто нам угрожал, старый дурень? Наслушался комиссаров! Весь мир жил в свое удовольствие, только мы сами создавали себе трудности и сами же их преодолевали. Заладил: Халифат, Гоннор, Западная Коалиция! Скажи еще, что обитатели Южного Материка на нас войной собирались – куры засмеют! А за границей, между прочим, пенсионеры не выживают, как мы здесь, в богатом и могучем Нордланде, а живут полноценной жизнью.

– А кто за свободу Орланды кровь проливал? – От возмущения Арнольд аж со стула вскочил. – Да если бы не я и не такие же простые парни-добровольцы, войска Гоннора стояли бы сейчас у границ Нордланда!

– Ага, больно нужно заокеанцам захватывать Орланду! Десять миллионов бездельников себе на шею сажать. Сам ты оттуда, кроме пули в ногу и желтухи, что привез? Грудь в крестах? Да лучше бы вместо орденов твой любимый Старк вам, дуракам безмозглым, денег отвалил, может быть, сейчас жили бы в деревушке на природе!

Спор между супругами грозил перерасти в драку. Дядюшка очень не любил, когда кто-то пренебрежительно отзывался о его военных подвигах. Арнольд стоял напротив Доры, яростно сжимая кулаки и бешено вращая глазами. Тетушка тоже нахохлилась, готовая дать отпор любым проискам первым попавшимся под руку предметом.

Пришлось их успокаивать. Обняв соседку за плечи, под благовидным предлогом я увел ее на кухню. Вернувшись, наполнил опустевшие стаканы и, обратившись к соседу, произнес тост за мир во всем мире.

К подобным размолвкам пожилой пары я уже успел привыкнуть. Отношение к истории любимой и многострадальной Родины в этой семье было неоднозначным и часто вызывало конфликты между любящими друг друга людьми. До драки доходило редко, а если и доходило, то верх всегда одерживали сокрушительные аргументы тетушки.

За ужином о политике не разговаривали. Опасаясь рецидива конфликта, я всячески старался затрагивать лишь нейтральные темы. Рассказал немного о своих «торговых делах», если быть откровенным – врал самозабвенно и от души. Старики слушали с восторгом. Им, большую часть жизни не покидавшим столицы, казалось, что за пределами Вундертауна совсем другая, настоящая жизнь. Даже сериалы по телевизору они смотрели исключительно из жизни села или небольших городков. Прожив всю сознательную жизнь в мегаполисе, эти люди всегда мечтали о тихой, спокойной старости в собственном домике с садом и огоро-

дом вдали от столичной суеты и дороговизны, где-нибудь у речки или озера. Теперь они прекрасно осознавали, что мечты их так и останутся мечтами, однако по-прежнему не переставали грезить домиком в деревне. Осуществить мечту стариков для меня было бы плевым делом, но, идеализируя провинцию, они даже не могли представить себе, что сериальная жизнь сильно отличается от настоящей. В городе им при необходимости хотя бы своевременно окажут медицинскую помощь, а в деревне, если прихватит, врач может и не успеть вовремя до них добраться.

Часам к одиннадцати гости собрались уходить. Начинался их любимый сериал. Дядюшка Арнольд, дождавшись ухода супруги, задержался в дверях.

– Дэйл, только не смейся над стариком! Ладно? Не хотел говорить при жене. Нечего старуху пугать. Будь поосторожнее. Злыдень вторую ночь рычит, с цепи рвется. Да и другие собаки нервничают. Чувствуют они что-то. Ты мою псину знаешь – просто так шум поднимать не станет. Помнишь, пять лет назад он так же себя вел? Ах, да... конечно же не помнишь! Откуда тебе помнить, если тебя здесь еще тогда не было? Через трое суток одноглазого Нейла нашли с перерезанным горлом в кустах бузины, что в Крутом овраге. Как прирезали горемыку, Злыдень сразу успокоился. Умный, зараза – из карнакских волколаков прабабка его. С тех пор ежели какой беде суждено случиться, он чувствует: рычит, рвется, сказать что-то хочет, но не может, ибо существо бессловесное. Еще в позапрошлом годе бабка...

– Неужели чувствует? – пришлось мне прервать нескончаемый словесный поток соседа. Рассказ старика мог растянуться за полночь. Новость о странном поведении пса меня крайне заинтересовала. – Дядюшка, разрешите проводить вас? Заодно и Злыдня мясцом побалую.

Достав из холодильника килограммовый шмат сырого мяса, я щедро присыпал его крупной солью. Все в точности как любит соседский пес. Между прочим, мой хороший друг. Все в округе удивлялись, как легко мы нашли общий язык. Никто из соседей не может в одиночку без сопровождения Арнольда или Доры попасть к ним в дом, минуя Злыдня. При моем появлении двенадцатипудовый потомок неуволимых волколаков из карнакских чащоб радостно вертит хвостом и норовит облизать с ног до головы.

Сегодня Злыдень был явно не в духе. Он вежливо взял зубами угощение, но вместо того, чтобы как обычно тут же проглотить его, отнес к будке и положил в свою миску. Затем он вернулся, облизал руки Арнольду и мне, взглянул на нас своими умными карими глазами и жалобно, как щенок, выброшенный злым хозяином на улицу, заскулил.

– Ты чего сегодня не весел? Пора тебя вывезти на загородную прогулку.

Иногда с разрешения стариков я вывозил его в лес или к какой-нибудь речушке подальше от ВундERTAУНА. Пес эти выезды одобрял и с нетерпением ожидал, когда у меня в очередной раз появится свободный денек и мы помчимся на машине с откинутым верхом мимо восхищенных уличных шавок, одаривающих многообещающими взглядами черного как смоль красавца, мимо испуганных котов, старающихся убраться подальше при одном нашем приближении, и разинувших от изумления рты прохожих.

Вместо ответа пес встал на задние лапы, положил передние на мои плечи и, приблизив волчью морду почти вплотную к моему лицу, сверху вниз посмотрел мне в глаза. Волна горя и тоски захлестнула мозг. Никогда раньше между нами не было столь сильного контакта на ментальном уровне. Он явно хотел предупредить о какой-то грозящей именно мне опасности. На краткий миг наши сознания слились в единое целое. Я ощутил необъяснимый, дикий ужас, который ощущало животное. Злыдень не знал, что конкретно мне угрожает, однако, получив откуда-то свыше предупреждение об опасности, всеми силами старался меня предупредить. Через несколько секунд я отстранился от него, совершенно ошарашенный и оглушенный новыми ощущениями.

– Спасибо, друг, за предупреждение! Не волнуйся, со мной все будет хорошо.

Пес, немного успокоившись, лизнул меня шершавым языком в лицо и спрыгнул на землю.

– Дядюшка Арнольд, мне кажется, сегодня собаку необходимо спустить с цепи. Пусть во дворе побегает. Чует пес беду. Как бы какой лиходея сюда не появился и в дом к вам не зашел.

Сосед стоял с раскрытым ртом, наблюдая за нашим безмолвным диалогом. Он тоже что-то ощутил, даже немного испугался за меня – или меня, я так и не понял. Нарочито громко (ветераны никого не боятся) дядюшка разрешил:

– Хорошо, мальчик, только закрой за собой получше калитку!

Отстегнув карабин цепи от ошейника Злыдня, пожал на прощание еще достаточно сильную руку старика и направился домой. Пес увязался за мной, но ему не было позволено покидать границы охраняемой территории. Калитка перед влажным любопытным носом захлопнулась. По предыдущему опыту я знал, что полутораметровый забор ни в коей мере не является преградой для этого комка мощных мышц и крепких костей. Если Злыдень хотел погулять, его ничто не могло удержать на месте: ни забор, ни крепкая цепь. Посади его хозяин даже в сарай и подопри дверь самым толстым бревном, он и оттуда обязательно найдёт выход. Посоветовав Арнольду отпустить пса, я больше заботился о хозяйском добре: все-таки жалко цепочку, да и ошейники денег стоят. Помню, однажды Злыдню не удалось порвать цепь или ошейник, так он вывернул из земли деревянный столб, к которому был прикреплен цепной поводок. Этим столбом он будто плугом перепахал весь двор, снес забор и вырвался на улицу, где был в конце концов остановлен хозяином.

Вернувшись в дом, я собрал посуду со стола и запихнул ее в посудомоечную машину. Покончив с хозяйственными делами, извлек из рюкзака кристалл памяти, прихваченный днем из засвеченной конспиративной квартиры, и подсел к компьютеру. После непродолжительных поисков в Сети мои подозрения насчет заказчика окончательно подтвердились. Оскорбленный до глубины души наглостью дерзкого вора, эльф направил по моим следам специалистов Гильдии. Меня очень удивила и даже привела в трепет сумма, выраженная шестизначным числом, которую Утиол перечислил на счет в некоем банке, принадлежащем организации наемных убийц. За треть этих денег я с удовольствием вернул бы шкатулку хозяину и вдобавок на халяву сводил Эзерга в самый дорогой ресторан, тем более что заказчик так недалековидно, грубо и отвратительно прервал наше взаимовыгодное сотрудничество.

Неужели эльф не пожалел шестисот тысяч империалов лишь для того, чтобы наказать безродного вора? Мир перевернулся или само племя эльфов переродилось? Может быть, эти скареды, готовые удавиться из-за медяка, в один прекрасный момент, осознав всю глубину и убожество своей жадности, очистились душой, стали добрее и щедрее? Подобное предположение вызвало у меня невольный смех. Почему-то все представители древних рас – ныне существующие эльфы и гномы, а также исчезнувшие орки, гоблины и тролли, не говоря уж о драконах – во все времена испытывали особый трепет к презренному металлу и любым его материальным воплощениям в виде сверкающих камней, банковских билетов и невзрачных кредитных карточек. Расставались они с веселенькими желтыми кругляшами всегда с особой неохотой. Нет, дело скорее не во мне, а в шкатулке. Что же в ней хранится? Из-за чего весь сыр-бор?..

Вновь захотелось взять украденную вещь в руки, однако недавние воспоминания о страшной магической печати, неудержимо захватывающей сознание в свои цепкие объятия, стали ледяным душем, остановившим мой порыв. Черт меня дернул связаться с недобросовестным заказчиком! Будь все по-честному, давно бы уже башка не болела, куда сбегать проклятую шкатулку. Кстати, через какого посредника он вышел на меня?

Минутой позже ответ был перед глазами. Ага, значит, это Шнырь направил ко мне подозрительных любителей дорогих сигар. Вытащив мобильный телефон из отдельного кармашка все того же рюкзака, я извлек из памяти на дисплей нужный номер и нажал кнопку вызова. Вскоре я услышал хриплый, не совсем трезвый голос:

– Слушаю, если можно, короче. Шнырь сегодня отрывается по полной. Если ваши дела терпят до завтра, прошу не беспокоить, – в обычной своей беспардонной манере заявил Шнырь.

– Это Коршун. Узнал? Прекрати паясничать и внимай! Последний клиент, что ты подыскал мне месяц назад, хотел замочить твоего благодетеля и кормильца при помощи наемных убийц. Срочно сливай на мой комп все, что тебе о нем известно, и побыстрее сваливай сам. Затаись на время. Понадобисься – звякну. Но учти, Шнырь, узнаю, что ты ко всему этому причастен, – быть тебе калекой! Ты Коршуна знаешь.

– Да что ты, босс, разве я когда посмею, я за тебя...

Выслушивать, какие огни и воды готов пройти за меня Шнырь, я не стал. Продаст, при первой возможности продаст любому, кто сделает достойное предложение. Поэтому своим дилерам я такой возможности никогда не давал: при личных встречах обязательно пользовался личинами, а в остальное время общался либо по телефону, либо через электронную почту. По логике вещей наводчик не мог сдать меня заказчикам шкатулки. Ребята были жадными и много за мою голову предложить не могли. Шнырю терять дополнительный приработок в размере десяти процентов от каждой сделки никак не выгодно. Да и что он мог про меня сообщить заинтересованным лицам? По большому счету ничего, кроме анонимного сетевого адреса, таких адресов только в этом городе миллионы. Номеров моих телефонов не знает никто, поскольку на связь с наводчиками я выхожу исключительно по собственной инициативе.

Через четверть часа пришло послание от Шныря. Подробно его изучать не было сил. Страшно хотелось спать. Сказывались последствия трудной ночи и беспокойного дня. Скачав данные на главный кристалл, я извлек его из компьютера и снова положил в рюкзак. Выключив свет, наконец добрался до кровати, не раздеваясь, упал сверху на одеяло и тут же провалился в небытие.

Глава четвертая

Солнечный луч бесцеремонно уперся в лицо. Просыпаться не хотелось. Тело за ночь совершенно не отдохнуло. Не было сил даже на то, чтобы перевернуться на другой бок, спрятаться от этого несносного пристава. Тут еще на нос что-то село и начало невыносимо щекотать. Приоткрыв один глаз и сконцентрировав взгляд на кончике носа, я увидел огромную муху: тело ее отливало сине-зеленой сталью, прозрачные крылышки были сложены за спиной, большие, в полголовы, темные глаза состояли из множества шестигранников и напоминали уменьшенные пчелиные соты. Насекомое по-хозяйски, деловито бегало по выступающей части моего лица, чесало себя под мышками, периодически что-то запихивало себе в рот, что вызывало весьма неприятные ощущения. Чугунной рукой я попытался смахнуть наглое существо, но, не рассчитав должным образом траекторию ладони, больно саданул себя по носу. Гадкая муха при этом ничуть не пострадала. Она продолжала кружить вокруг моей головы, выжидая удобного момента, когда можно будет спокойно вернуться на временно покинутые позиции.

Теперь стало уже совсем не до сна. Мой второй глаз открылся, и я с удивлением обнаружил, что нахожусь вовсе не в своей кровати, а на незнакомой лесной поляне.

Лужайка представляла собой почти идеальный круг диаметром метров сто пятьдесят, окруженный со всех сторон широколиственными деревьями – на первый взгляд обычными кленами. Пятачок среди кленового леса, на котором я оказался столь странным образом, густо порос невысокой зеленой травкой, среди которой ярко пестрели всеми оттенками красного, желтого и голубого незнакомые мне цветы. Солнышко едва показалось над кронами деревьев и еще не успело согнать с травы капельки ночной росы. Утреннюю тишину нарушали лишь писк и жужжание насекомых, пение птиц и суeta у корней деревьев и в траве каких-то мелких полосатых зверьков, издали похожих на бурундуков. Воздух, напоенный ароматами цветущих трав и лесной свежести, был недвижим. Казалось, это даже не воздух вовсе, а какая-то совершенно иная субстанция, более плотная, тягучая и вместе с тем абсолютно прозрачная. Само понятие «ветер» либо другое колебание воздуха были чужды местной атмосфере.

Впору было удивиться. Каким образом я оказался в этом райском уголке? Однако явь воспринималась совершенно естественно. Мозг даже не пытался найти какое-то правдоподобное объяснение столь странному факту. Раз я здесь – значит, так нужно.

Поднявшись на ноги, я сразу увидел тропинку, даже не тропинку, а след на примятой траве, уходящий в сторону лесной чащи, как раз от места моего пробуждения. Разминая затекшие за ночь мышцы, неспешной походкой я направился к лесу. Густо разросшаяся кленовая поросль на опушке поляны обдала меня с головы до ног скопившейся за ночь на поверхности листьев влагой. В лесу деревья стояли на приличном удалении друг от друга. Я старался держаться от них подальше, чтобы, случайно задев, не получить новую освежающую порцию жидкости за воротник рубахи. Тропинка теперь явственно угадывалась среди чахлой лесной растительности. Идти было легко. Вскоре я уже ощущал себя бодрым и вполне отдохнувшим.

Незаметно, насвистывая под нос незамысловатый мотивчик и безжалостно пиная попадавшие под ноги мухоморы, я протопал пару километров и вышел из леса. Передо мной от самой опушки начиналось бесконечное поле, засеянное какой-то злаковой культурой: пшеница, овес или рожь – я в этом не разбираюсь. Тропинка вывела меня на широкую, мощеную серым камнем дорогу, уходящую в необозримую даль. Стянув с ног промокшие от росы ботинки, я запихнул в них мокрые носки, связал между собой шнурки и повесил обувь на плечо. Ступать босыми ногами по разогретому солнцем камню было приятно.

Примерно через час я убедился, что поле вовсе не бесконечное. Впереди показалось какое-то поселение, окруженное со всех сторон невысокой стеной из вкопанных в землю бревен, заостренных сверху. Подойдя ближе, я услышал стук молотков плотников, визг пилы, характерные звуки кузницы, истошные крики домашней птицы, ржание лошадей и громкий лай собак.

Тут же увидел, что из распахнутых ворот городища мне навстречу выходит толпа жителей. Одетые в пестрые одеяния причудливого покроя мужчины и женщины радостно махали руками, что-то кричали, как будто заранее знали о моем прибытии. Когда процессия приблизилась настолько, что каждого человека можно было хорошо рассмотреть, я с удивлением отметил, что самый высокий из встречающих ростом мне по пояс. Их сморщенные старческие лица были живыми и подвижными. Они подмигивали, делали смешные гримасы и беспрестанно крутили и мотали головами. Казалось, сейчас кто-нибудь из толпы подойдет ко мне и поделится сокровенной тайной.

«Кто же эти люди? На гномов непохожи. У тех лица грубее и покрыты волосами даже у женщин и детей, и ростом гномы повыше будут. Говорят, раньше были лепреконы, но вот уже тысячу лет, как они покинули наш мир вместе с гоблинами, орками и троллями. Наверное, это все-таки они», – решил я и в свою очередь направился в их сторону.

Когда до ближайшего карлика оставалось не более двух десятков шагов, толпа остановилась и замерла в полном молчании. Остановился и я. Наконец из рядов встречающих вышел представительный мужчина с тяжелой золотой цепью на шее и тонким писклявым голосом прокричал что-то на неизвестном языке. Я пожал плечами, давая понять, что ничего не понимаю. Тогда человечек запищал снова. Этот язык явно отличался от предыдущего, но я все равно его не понимал.

Сделав знак малышу, чтобы он замолчал, я со своей стороны попытался наладить контакт. Мои лингвистические познания ограничивались общим человеческим, а также парой эльфийских наречий. Знанием языка эльфов я обязан своей любви к опере, не к новомодным мюзиклам людей, а именно к классической эльфийской опере. Оказалось, что глава делегации прекрасно говорит на верхнем диалекте Эли.

– Приветствуем тебя, Вызванный! Мы рады видеть своего избавителя! Предначертанное наконец-то должно свершиться. С твоим приходом мы сможем закончить тысячелетнее служение богине и отправиться вслед за нашими братьями. Поторопись, юноша, теперь, когда свобода так близка, каждое мгновение рабства для нас целая вечность!

Толпа раздалась и образовала проход шириной полтора метра. Ничему не удивляясь, в сопровождении старейшины я проследовал через этот живой коридор к центру городка. Посреди центральной площади, как главное и единственное ее украшение, возвышалось трехметровое изваяние красивой женщины, выполненное из белого мрамора. Человечек подошел к постаменту, что-то нажал на нем и отскочил в сторону. Женская фигура вместе с постаментом заколебалась, потекла, будто воск в пламени костра, и исчезла, открыв темный проход, уходящий глубоко под землю.

– На этом разреши откланяться. Мы уходим. Тебе туда. – Сопровождающий рукой указал на темный провал. – Ясноликая Эринния ждет тебя. – На его ресницах и щеках искрились в лучах дневного светила капельки слез, но в глазах совсем не было печали, даже наоборот, они светились откровенной радостью.

Мужчина повернулся лицом к соплеменникам, что-то громко крикнул на своем непонятном языке, и все вокруг вдруг растаяло в одночасье. Исчезли здания, частокол, окружавший поселение, домашние животные, и сами смешные человечки также испарились без следа. Остался лишь странный проход, ведущий в недра земли.

Одной ногой я с опаской ступил на рифленую металлическую ступеньку винтовой лестницы. Она не была иллюзорной – обнаженная ступня ощутила холод металла.

Спуск не занял много времени. Ступеней через сто я уже стоял на ровной каменной поверхности пола внизу колодца перед входом в горизонтальный туннель полуовальной формы. Дальше, кроме как в этот туннель, двигаться было некуда. Я шагнул в его фиолетовый полумрак. Освещение здесь было достаточным, чтобы хорошо ориентироваться. Вообще-то заблудиться здесь невозможно. Боковых ответвлений я не обнаружил. На полу посторонних предметов не валялось, и пораниться здесь обо что-либо возможности не представлялось.

Через полторы сотни шагов коридор привел в тупиковую комнату кубической формы. Можно было представить, что находишься внутри огромной игровой кости с длиной грани около десяти метров. Посередине помещения находился прозрачный хрустальный параллелепипед высотой в два моих роста и квадратом в основании со стороной двух метров.

При моем приближении хрусталь вспыхнул ярким белым светом, лишив меня на мгновение способности видеть. Когда зрение восстановилось, прозрачной глыбы уже не было, а на ее месте стояла стройная, высокая женщина, как две капли воды похожая на статую, некоторое время назад преграждавшую вход в подземелье. На вид ей было не больше тридцати лет, но когда я взглянул в ее огромные фиолетовые глаза, понял, что она неизмеримо старше. Богиня, настоящая богиня находилась в двух шагах от меня, она радостно улыбалась, будто вновь обрела в моем лице потерянного любимого друга или родственника.

– Здравствуй, Аэрин! Наконец-то я тебя увидела, сыночек дорогой! Я так волновалась за тебя, так переживала! Сколько слез выплакала за тысячу лет разлуки. Ни единого мгновения не забывала о своем сыночке. И вот ты наконец нашелся. Я так рада, так рада!.. – Дама рванулась в мою сторону, но не смогла покинуть пределы квадрата основания исчезнувшего параллелепипеда.

Я стоял, глядя на богиню, и хлопал глазами. Какой Аэрин? Где сыночек? Ничего не понимаю.

– Э... Простите, госпожа, вы меня, наверное, с кем-то путаете. Во-первых, я никакой не Аэрин, люди никогда не называют детей эльфийскими именами – считается плохой приметой. Во-вторых, мне нет еще и тридцати, а тот, кого вы ищете, наверное, уже глубокий старик, если ему уже тысяча лет. И вообще, я просто-напросто сошел с ума и блуждаю сейчас в лабиринте собственного больного сознания...

Лицо дамы стало серьезным, она топнула изящной ножкой.

– Ты всегда был таким несговорчивым и непослушным мальчиком! Вечно имел на все свое собственное мнение, перебивал взрослых, как сейчас. – Черты ее лица вновь разгладились, и женщина продолжила уже мягче: – Выслушай свою мамочку, все вопросы задашь после.

В полном недоумении я внимал словам богини, сыночку которой уже больше тысячи лет, а сама она еще хоть куда. Сколько же ей годков и как она умудрилась в столь преклонном возрасте в полной мере сохранить красоту и привлекательность?

– Мальчик, мы не знаем, что с тобой случилось в той реальности Земли, куда ты так опрометчиво сбежал от своей любимой мамочки. – В глазах красавицы сверкнули слезинки. – Но я никогда не сомневалась, что найду своего любимого Аэринчика. Мы с ног сбились, разыскивая тебя, но ты же знаешь, наше вмешательство в дела земные ограничено Создателем. Возвращайся поскорее. Ты себе не представляешь, как обрадуется папа. – Голос моей «мамочки» вновь стал твердым, слез в глазах как не бывало. – Не валяй дурака, Аэрин! Быстро домой!

– Но простите, госпожа, еще раз повторяю: я не ваш сын, а обыкновенный человек. Работаю... гм, в общем, специалист широкого профиля – работаю по найму. – Почему-то в данный момент мне захотелось излить ей душу. – Попалась мне в руки одна вещица, не знаю, что с ней делать. Очень опасная штука, скажу вам...

Теперь женщина смотрела на меня с явным ужасом на красивом лице. Мне показалось, что она как-то сразу постарела лет на двадцать.

– Сынок, что они с тобой сделали? Ты не о том говоришь. Тебя ждут мама с папой, а ты о каких-то мелочах... Ты меня совсем не помнишь? Ты забыл свою мамочку Эриннию?

– Извините, вы сказали, что я родился тысячу лет назад, но я прекрасно помню свое детство. Мне всего двадцать шесть. Вы меня все-таки с кем-то спутали. Если ваш сын пропал – я к этому никакого отношения не имею.

– Боже милостивый! Они стерли тебе всю память и впихнули в твою головку ложные воспоминания!

До меня стало доходить, что тетенька тронулась рассудком из-за потери ребенка и теперь готова в первом встречном узнать любимое чадо.

– Посмотрите на меня внимательно. Разве я похож на вашего сына?

– Аэрин, ты же знаешь – внешняя оболочка не важна. Я узнала бы тебя даже в образе самой отвратительной обезьяны. – Спohватившись, она всплеснула руками: – Ах да, ты же ничего не помнишь! Горе мне, горе!

Женщина все-таки постаралась взять себя в руки. Лицо ее стало напряженно-сосредоточенным.

– Сынок, сейчас спасательную экспедицию мы послать не можем – слишком много дел у координаторов. Выбирайся сам. Найди мудрого Громышалу послед...

Глава пятая

Вдруг все пропало: странная комната и еще более странная женщина, называвшая меня своим сыном. Я лежал в постели как был одетый, лишь ботинки на ногах отсутствовали – не помню даже, каким образом мне удалось сбросить их во сне.

Приснится же такое. Ничего удивительного, что сыночек удрал от такой мамочки. Во всяком случае, на его месте я поступил бы так же. Уж больно она чадолюбива. Наверное, своего Аэринчика держит на коротком поводке, даже на свидания с девушками сопровождает.

Я с облегчением вздохнул. Это всего лишь сон и ничего более. Какое счастье после подобного кошмара проснуться у себя дома, плюнуть и забыть о нем.

А счастье ли? Тут только я осознал, что причиной пробуждения было чувство надвигающейся опасности. В голове стучало, и стучало все сильнее и сильнее. Сосредоточившись, я попытался прощупать окружающее пространство, но на голову будто натянули мешок из плотной ткани. Хотел уйти в гипер, но ожидаемого ускорения не получилось. Похоже, я напрочь лишился своих чудесных способностей. Попытка спрыгнуть с постели тоже не удалась. Я был спеленут, как младенец или буйный умалишенный после очередного приступа. Даже пальцем пошевелить не было никаких сил.

«Вот это да! Добрались, гады, до Коршуна! Оперативно сработали. Мага, конечно же, не забыли прихватить. Одно слово – профессионалы, – пришло в голову единственно возможное, реальное объяснение моему беспомощному состоянию. – Теперь наемники сделают со мной все, что захотят. Интересно, пытать будут? А может быть, ребята сдадут бездвиженное тело эльфу? Тогда появится надежда на спасение».

Умирать в расцвете лет так позорно и глупо не хотелось. Мысли лихорадочно стучали о стенки черепной коробки, но их суетливая толкотня никакого реального выхода из сложившейся ситуации не подсказывала. Ну что же, придется смиренно ждать своей участи, однако при первой возможности нужно быть готовым успеть воспользоваться любым подвернувшимся шансом ради собственного спасения. Я постарался успокоить расшалившиеся нервы. Частично это удалось. Мозг начал адекватно воспринимать реальность.

Какого-либо искусственного освещения в спальне не было, но рассеянного лунного света вполне хватало, чтобы все хорошо видеть. При полной потере подвижности я мог дышать и двигать глазами. Это уже хорошо – что бы со мной стало, если бы мне оставили лишь возможность хлопать ресницами? Улыбнуться собственной шутке не получилось, но я был рад, что не утратил способности иронически относиться к самому себе даже в такой неприятной ситуации.

В доступных для обозрения пределах никого из злоумышленников пока не наблюдалось. Они не торопились. Моя персона никакой опасности ни для кого уже не представляет. Чего суетиться зря? Сейчас все проверят вокруг дома и возьмутся наконец и за Коршуна.

Вот накаркал! Дверь спальни негромко скрипнула, распахнулась, и в темном проеме я заметил крадущуюся фигуру, потом еще и еще. Троица бесшумно вошла в комнату, боевики быстро обшарили все закоулки и, не обнаружив ничего опасного, так же беззвучно рассредоточились по углам помещения. За ними появилось еще двое. Эти не крались, а двигались вполне открыто – знали, что бояться здесь уже некого.

– Молодец, Маг, хорошо ты его уделал! – Высокий крепкий мужчина с окладистой бородой обратился к напарнику.

Тот, кого называли Магом, внимательно посмотрел на меня.

– Ты прав, Первый, лежит как бревно. Нам повезло, что он крепко спал, иначе пришлось бы повозиться. Не ожидал я от обыкновенного вора таких способностей. Нужно было брать еще одного мага. В следующий раз тебя не послушаюсь.

Я почему-то с удовлетворением отметил для себя, что маг в команде всего один, как будто это сейчас имело какое-то значение. Впрочем, чем черт не шутит, я еще не умер и надежда со мной.

– Ладно, не ворчи, старый хрыч. Вечно вы, колдуны, преувеличиваете опасность. Что в нем особенного? Желторотый юнец, даже семерку жалко посылать. Я бы его одним щелчком прихлопнул, как таракана. Ищи вещицу, парня в расход и сваливаем отсюда. И за что только заказчик отвалил такие деньжищи? Работенка левая.

– Необходимо сначала избавиться от него, – маг рукой указал в мою сторону, – пока он жив, не могу сосредоточиться на поиске предмета.

– Да отпусти ты его. Дай ребятам немного размяться. Он побегает – мои парни потренируют рефлексy. Я даже дал бы ему ножичек или пистолетик – пусть поиграет в героя.

– Твоя беспечность удивляет. Когда ты научишься слушать старших? Это правильно, что мы, маги, вам, громилам, не подчиняемся. Повторяю для тупых: этот желторотый юнец, как ты выразился, уже давно отправил бы на тот свет тебя и твоих ребят, не будь рядом с вами мага.

– Теперь ты расскажешь боссу, что единолично уничтожил крутейшего из всех парней столицы, а может быть, и всего Нордланда. Тебя повысят и направят командовать «сорок девятой», а я буду каждый день целовать тебя в задницу, мой командир, – жизнерадостно захохотал Первый. – Все вы такие, книжные черви – горазды из мухи хорошего слоника раздуть. – И, обращаясь к одному из боевиков, скомандовал: – Третий, приступить к ликвидации, уж больно этот хлюпик действует на нервы нашему будущему командиру.

В этот момент в окно спальни врезалось чье-то могучее тело. Рама, не выдержав удара, вместе с оконной коробкой и звоном разбиваемого вдребезги стекла влетела внутрь помещения. За ней черной безмолвной тенью появился ночной кошмар местной кошачьей братии, приبلудных псов и бомжей – мой друг Злыдень собственной персоной, прошу любить и жаловать. Шестым собачьим чувством он угадал, от кого исходит главная угроза, и с места, без разбега прыгнул на мага. Пес не вцепился зубами в шею человека, он всего лишь лапой по-кошачьи нанес ему боковой удар в скулу. Что-то хрустнуло, и голову старика на тонкой шее развернуло на сто восемьдесят градусов. Теперь при желании он мог запросто рассмотреть собственную спину, но никакие желания, искушения и соблазны его больше не беспокоили. Маг был мертв. Он умер мгновенно, без лишних мучений, и душа его, покинув бренную оболочку, уже взлетала ввысь или падала в пропасть ада.

Отпустило. Я был заранее готов к какому-нибудь чуду и, дождавшись этого чуда, удачного момента не упустил. Провалившись в гипер, первым делом оценил обстановку. Злыдень продолжал висеть в воздухе. Первый с отвисшей от изумления челюстью уже тянул из заплочной кобуры оружие. Трое по углам направили стволы на пса и готовы были нажать на спуск.

«А вдруг успеют?» – Ужасная мысль раскаленной иглой проткнула мозг.

В страхе за жизнь преданного друга я пулей подлетел к ближайшему стрелку.левой рукой схватил оружие за ствол и дернул на себя. Рукоятка легко оторвала ему пальцы, оружие оказалось в моих руках. Правой что есть мочи заехал стрелку в грудь. Кулак без особых усилий пробил пятимиллиметровую броню титановой кирасы и, проломив ребра, будто орудиный снаряд вошел в человека и в лепешку расплющил его сердце. Глядя на руку, погруженную в плоть еще живого, но фактически уже мертвого человека, я начал ощущать весь ужас содеянного. Зачем я его так? Убийц можно было нейтрализовать менее жестоким спо-

собою. Стараясь не повторять совершенной ошибки, я аккуратно расплющил стволы остальных боевиков и легкими тычками пальцев по нервным узлам нейтрализовал их.

Лет пять назад мне в руки случайно попало руководство по древним боевым искусствам. В нем было приведено подробное описание всех жизненно важных точек на теле человека, гнома и эльфа. Измочалив в хлам пять электронных тренажеров – специальных манекенов для тренинга бойцов спецназа, я вполне овладел этой методикой даже в гипере. Теперь я свободно мог контролировать силу удара в ускоренном состоянии, не убивая жертву. То, что сегодня одного все-таки отправил на тот свет, объяснялось нервным срывом и опасением за жизнь Злыдня, спасшего меня от неминуемой гибели.

«Ну и пусть, – успокаивал я сам себя. – Парень знал, на что шел. Все честно – либо он меня, либо я его».

Обездвижив подобным образом еще двоих во дворе, я вернулся в спальню и вышел из ускоренного состояния. Звуки вновь вернулись в мир: глухие удары падающих тел, торжествующий рык пса, клочкотание пузырящейся крови из пробитой груди несчастного, предсмертный хрип из его горла. Из-за моей высокой скорости в комнате поднялся ураган. Полетело к потолку постельное белье. Со стола и полка посыпались разные предметы: книги, журналы, безделушки. Со стены сорвалась картина в массивной деревянной раме и с громким треском рухнула на пол.

Стараясь не смотреть на корчащегося в судорогах, умирающего человека, я машинально запихнул пистолет, который продолжал находиться в моей руке, в боковой карман пиджака и направился напрямик к старшему группы. Парализованный мужчина в ужасе смотрел на меня, как на восставшего из ада демона смерти.

– Зря ты не послушал мага и не взял его помощника. Теперь он уже никогда не станет твоим командиром и тебе не придется целовать его задницу. А жаль – очень хотелось бы посмотреть, как это у тебя получается. Мне некогда с тобой нянчиться. Пытать я тебя не собираюсь. Ты либо честно отвечаешь на мои вопросы, либо умираешь быстро и безболезненно, как твой коллега. – Конечно же, я блефовал – никого убивать я вовсе не собирался, но, запугивая мужчину, почему-то получал огромное моральное удовлетворение. – Итак, будем давать показания? Можешь говорить – твой язык, в отличие от тела, тебе подчиняется.

Руку лизнул знакомый шершавый язык, в бок уперлась огромная собачья голова. Я ласково потрепал пса за холку и почесал своего спасителя между ушами. Зверь спокойно сел на задние лапы рядом и уставился на поверженного врага, демонстрируя ему свои огромные белоснежные клыки.

При виде Злыдня Первый зажмурился от ужаса.

– Убери, пожалуйста, собаку, – пролепетал он дрожащим голосом. – Я все скажу.

– Так-то лучше! Продолжай! Пес тебя не тронет... пока я этого не пожелаю.

– Приказ на твою ликвидацию я получил час назад. Он шел под грифом «очень срочно». Это значит, что заказчик полностью оплатил наши услуги по тарифу в тройном размере. Кто заказчик, мне неизвестно.

– Зато мне известно. Известно даже, сколько он отстегнул твоей организации. Говори дальше!

Первый сделал несколько глотательных движений, острый кадык судорожно забегал вверх-вниз. Очевидно, его горло от волнения сильно пересохло.

– Задача была несложной: уничтожить вора по кличке Коршун и доставить в центр некий магический артефакт. Нас заранее предупредили, что на шкатулку нельзя смотреть ни в коем случае – будто бы она ворует души. Вообще-то я от всяких магических штучек стараюсь держаться подальше, ими у нас занимаются колдуны. Когда группа подъезжала к твоему дому, маг что-то почувствовал. Он нас предупредил, что ты такой же колдун, может быть, даже сильнее.

– Воспользовавшись беспомощным состоянием, он спеленал меня и блокировал сознание. Давай по существу! Как вам удалось так быстро вычислить мое местоположение и что за группа пасла меня вечером по другому адресу?

– Про другую группу ничего не знаю. Тебя выдала шкатулка. Заказчик дал нашим специалистам полное описание спектра ее излучения. По нему тебя и нашли.

– На каком расстоянии ваши спецы способны запеленговать артефакт?

– Десять, максимум пятнадцать километров.

Первый не врал. Я внимательно наблюдал за всеми изменениями цвета его ауры. Она была ровной, оранжевой, небольшое темное пятно в центре было следствием сильного испуга, но ни малейшего оттенка пурпура – явного свидетельства обмана – в ней не присутствовало. Да и какой смысл ему врать? Ничего особенного он мне не сообщил, и жить ему очень хотелось.

– Молодец, верю тебе! Ответишь еще на один вопрос, и мы расстанемся почти друзьями. Что предпримет Гильдия после того, как я уйду? Максимум через час вас хватятся, обнаружат здесь в беспомощном состоянии. Будут ли меня преследовать и дальше или отвяжутся наконец?

Головорез с тоской поглядел прямо в мои глаза. Он понимал, что, если ответ мне не понравится, можно запросто распрощаться с жизнью. Все-таки юлить и изворачиваться он не рискнул.

– Парень, тебе крышка! После того, как нас найдут, за тобой начнется настоящая охота. К поискам будут привлечены лучшие нюхачи, по твоему следу пойдут отъявленнейшие головорезы. Гильдия не оставит тебя в покое, пока не выполнит заказ или не положит всех до последнего бойца. Таковы правила. Нигде тебе не спрятаться, не укрыться. Даже на холодной Арктиде тебя отыщут и убьют.

– Ну, это мы еще посмотрим! – Я старался говорить уверенным тоном, но это получалось неважнецки. До конца скрыть испуг так и не удалось.

Неожиданно обостренным чутьем я уловил, что в комнате что-то изменилось. От мертвого тела мага стали исходить непонятные токи. Пес также их ощутил и тихо, но грозно зарычал. Сосредоточив все внимание на распростертом на полу теле колдуна, я увидел неяркое свечение на среднем пальце правой руки мертвеца. Если бы в комнате горел свет, ничего увидеть не удалось бы, да и в полумраке это свечение было едва заметным. Подойдя ближе, я обнаружил колечко с небольшим светящимся камушком.

Вот теперь действительно пора уносить ноги. В данный момент мобильная группа Гильдии уже, наверное, грузится в машины. Через несколько минут она будет здесь. Проклятый маг даже после смерти умудрился подать сигнал тревоги.

Включив свет, я залез в шкаф и достал из него новый комплект одежды. То, что было на мне, пришло в полную негодность из-за моих сверхбыстрых перемещений в гипере – в отличие от тела, одежда в ускоренном режиме чудесных свойств не приобретает. Переодевшись, я присел на кровать, натянул ботинки. Еще раз обзрел поле недавней битвы, удовлетворенно хмыкнул, перешагнул через валявшегося пластом Первого и, перекинув через плечо рюкзак, ни с кем не прощаясь, покинул помещение. Злыдень рывкнул напоследок, выражая полное презрение поверженному противнику, и потрусил за мной.

В гараже пес первым делом бросился к открытой дверце автомобиля и привычно устроился на заднем сиденье. Я хотел было выдворить его и отправить домой, но, немного поразмыслив, решил все-таки взять с собой. В отместку за смерть мага его обязательно ухлопают, и еще мне будет намного спокойнее в сопровождении такого надежного и верного друга. Надеюсь, старики не сильно обидятся на нас за то, что мы так неожиданно удрали. Постараюсь со временем загладить свою вину перед ними.

Мотор негромко заурчал, и машина потихоньку выехала на дорогу. Светало. Пять утра. Солнце еще не выглянуло из-за горизонта, но было видно уже достаточно хорошо – включать фары не было необходимости. В конце улицы я повернул в направлении ближайшей радиальной автомагистрали, чтобы побыстрее убраться из Вундertaуна.

В этот ранний утренний час движение на дороге еще не было столь интенсивным, как днем. Поэтому столичной окраины я достиг за считанные минуты. Включил радиоприемник и, покрутив ручку настройки, нашел канал классической музыки. Транслировали оперу д’Эсте «Прекрасная дриада». Звучала как раз моя любимая ария из этого произведения. Опустив стекло бокового окна наполовину, я подставил освежающему потоку воздуха разгоряченное лицо, утопил педаль газа до пола и рванул на полной скорости в южном направлении.

Вскоре, миновав индустриальную часть пригородной зоны, «Кентавр» мчался уже по сельской местности. Ухоженные поля, принадлежавшие фермерам или общинникам коллективных крестьянских хозяйств, были отделены друг от друга неширокими массивами широколиственных деревьев – остатков древних реликтовых лесов, окружавших когда-то столицу Нордланда сплошной непроходимой стеной.

Вот и солнышко показалось из-за горизонта и позолотило верхушки деревьев. Стаи трудолюбивых птах засуетились на ветвях, у обочины дороги и в поле. Серебристые клубы ночного тумана в лощинах и овражках таяли на глазах. По всем приметам день обещал быть солнечным и жарким.

Навстречу все чаще и чаще стали попадаться автомобили. Часам к шести в направлении Вундertaуна уже двигался сплошной железный поток колесных транспортных средств – рабочий люд торопился успеть добраться до места к началу трудового дня.

Регулярно пять раз в неделю столица, словно гигантский пылесос, всасывает по утрам в свою утробу миллионы трудоспособных людей из окрестных селений, чтобы к вечеру, выжав их будто лимон, выплюнуть обратно. Иногда поток машин замирал из-за аварии на дороге, тогда на место происшествия срочно прибывала бригада дорожно-патрульной службы на вертолетах и быстро восстанавливала нарушенное движение.

В моем направлении движения практически не было. За все время я обогнал лишь несколько крестьянских грузовиков да пару полупустых рейсовых автобусов.

На девяносто пятом километре я свернул с главной магистрали в западном направлении на объездную дорогу. По ней можно было попасть на юго-западную магистраль и при желании незамеченным вернуться в столицу с другой стороны. Здесь встречных машин было уже намного меньше, а через некоторое время их поток практически иссяк. Сейчас мне хотелось лишь одного: найти где-нибудь укромное местечко, выпить чашечку кофе и хорошенько обмозговать сложившуюся ситуацию в спокойной обстановке. После схватки с семеркой Гильдии наемных убийц голова была тяжелой, как чугунная отливка, в суставах ломило, мышцы невыносимо ныли. Самым лучшим на данный момент было устроить небольшой пикничок на лесной полянке, перевести дух и подпитаться энергией от земли и деревьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.